

ПУШКИН В РАБОТЕ НАД «ЕВГЕНИЕМ ОНЕГИНЫМ»

1

Роман Пушкина «Евгений Онегин» принадлежит к числу величайших произведений русской и мировой классики, он давно и прочно вошел в ее золотой фонд. Но «для нас, русских», подчеркивал Белинский, роман этот имеет особенное, ни с чем не сравнимое «историческое и общественное значение»¹. В разнообразии запечатленных в романе событий, в ярких, сочно написанных картинах русского быта, в переплетении исторических происшествий с частными судьбами людей, в сложных нравственных исканиях главных его героев и в острых сатирических зарисовках жизни высших слоев русского общества заключено огромное духовно-эстетическое богатство, делающее пушкинский роман подлинной «энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением»². Вмestив в себя целые пласты национальной русской жизни, «Евгений Онегин» воплотил неисчерпаемые возможности творческого гения Пушкина, что ставит роман на совершенно особое место в его творчестве. «Онегин» есть самое задушевное произведение Пушкина, — писал Белинский, — самое любимое дитя его фантазии, и можно указать на немногие его творения, в которых личность поэта отразилась бы с такою полнотою, светло и ясно, как отразилась в «Онегине» личность Пушкина. Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здесь его чувства, понятия, идеалы»³.

Со времени начала работы Пушкина над «Евгением Онегиным» (1823) и до выхода в свет полного его издания (1833) прошло целое десятилетие, в течение которого Пушкин создавал главы романа и по мере окончания печатал их отдельными изданиями. Однако своеобразис творческого процесса состояло в том, что все это время Пушкин не оставлял своего романа, возвращался к уже написанному (и даже опубликованному), совершенствовал и видоизменял замысел в целом, видоизменял структуру

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 7. С. 431.

² Там же. С. 503.

³ Там же. С. 431.

романа, постоянно размышлял над судьбами и характерами главных его героев.

«Евгений Онегин» был долгие годы в центре творческой жизни поэта, приносил ему радости и огорчения.

Особую оригинальность придает пушкинскому «Онегину» то, что почти весь процесс создания произведения, сопровождавшийся необычайной интенсивностью творческих поисков сюжетных решений судеб героев и важнейших проблем современной поэту русской жизни, находит прямое отражение в тексте самого романа, становится неотъемлемой составной частью его общей структуры, его художественного содержания. Выстраивание сюжетных линий романа, определение его композиции, содержания составляющих его глав,— все это получает осмысление в лирических отступлениях и многочисленных авторских размышлениях, которыми сопровождается рассказ о героях произведения. В черновиках романа эта лирическая авторская стихия проявлялась еще сильнее, еще отчетливее. Вот почему так интересно и увлекательно проникновение в творческую лабораторию создателя «Евгения Онегина», позволяющее увидеть истоки замысла в целом и понять те мотивы, которыми руководствовался поэт в своей работе над отдельными образами и характерами. Начиная «Евгения Онегина», Пушкин далеко не сразу определил для себя жанровую его форму. «Вот начало большого стихотворения,— писал он в предисловии к печатному изданию первой главы,— которое, вероятно, не будет окончено»¹. Автор действительно еще не знал, как сложатся судьбы его героев, да и самое сюжетное развитие рисовалось ему не совсем отчетливо. В переписке с друзьями он называет «Онегина» поэмой, «пестрыми строфами романтической поэмы», «большим стихотворением» и лишь постепенно в ходе творческой работы нащупывает его жанровую форму «свободного романа», как емко и образно определит он ее в заключительных строфах «Онегина»:

Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал. (VI, 190)

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 6. С. 638. Далее все цитаты из Пушкина даются по этому изданию с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской).

«Свободный роман», «фабула и сюжет которого не фиксировались предварительным планом»¹, предоставлял необычайный простор для выражения всего огромного богатства впечатлений и наблюдений, которые давала поэту современная жизнь: ее стремительный и причудливо льющийся поток предстояло не только запечатлеть, но и осмыслить. Освоение жанровой формы «свободного романа» стало для Пушкина не только началом его отхода от романтизма, но и процессом постепенного овладения приемами и методами реалистического литературного письма. И в этом отношении Пушкину пришлось взять на себя роль своеобразного первопроходца, причем обращение к «роману в стихах», «дьявольскую разницу» которого с романом прозаическим подчеркнет и сам Пушкин (см.: письмо к Вяземскому от 4 ноября 1823 г. (XIII, 73), было не упрощением, а значительным, многократным усложнением стоящей перед ним творческой задачи — созданием современного по форме национально-русского романа.

«Что такое роман? — спрашивал один из тогдашних критиков. — Роман есть теория жизни человеческой». «Евгений Онегин» Пушкина в полной мере отвечал этому определению. Отводя звучавшие в русских журналах упреки в бедности содержания романа Пушкина, критик объяснял ее однообразием событийной стороны жизни современного человека («наша жизнь внешняя не столько богата и разнообразна, как жизнь внутренняя»²). Эти новые для русской литературы критерии жизненной достоверности и выработывались Пушкиным.

Выход из печати отдельных глав «Онегина» стал подлинным событием не только собственно литературной, но и общественной русской жизни 20—30-х гг. XIX в. Художественные образы романа вошли в культурное сознание современников Пушкина, судивших о героях пушкинского романа как о реально живших людях с достоинствами и слабостями, высокими идеалами и насущными житейскими заботами. С момента появления первых глав романа в книжных лавках Петербурга и Москвы характеры и поступки героев «Онегина» стали предметом острых и ожесточенных споров. Вызвали они, разумеется, и оживленную литературную полемику. Этому во многом способствовала и особая, «диалогическая форма» нового сочинения Пушкина, непривычная для читателей и критиков, но явно способствовавшая активизации читательского восприятия романа. В нем автор, непринужденно и доверительно беседуя с читателем (названным уже в первой

¹ Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 155.

² Сын отечества. 1828. Ч. 118. № 7. С. 244.

строфе романа другом создателя «Людмилы и Руслана»). характеризовал своего необычного героя (если принять во внимание литературу этой поры) и в то же время хорошо знакомого образованному читателю встречавшему в свете похожих на Онегина молодых людей. Автор романа тем самым прямо обращался к читателю как бы через голову законодателей литературной жизни 20-х гг. XIX в., известных строгостью своих критических приговоров. Хотя журналисты и критики также вошли в число оппонентов и собеседников автора романа, но первые роли в нем, несомненно, отданы читателям, которых поэт стремится сделать соучастниками собственной творческой работы: он спорит или соглашается с их мнением, советуется, как обрисовать или оценить поступки его героев.

К чести многих читателей пушкинской поры надо сказать, что оригинальный художественный прием автора был ими понят. Читающая публика активно включилась в диалог с ним. О горячих спорах вокруг глав пушкинского романа писал, основываясь на рассказах своего деда, «фанатичного поклонника Пушкина», В. Я. Брюсов: «Ярко помню его рассказ о том, как нетерпеливо ожидалось, в свое время, появление новой главы «Евгения Онегина». Нам, привыкшим видеть в «Онегине» законченное целое, трудно представить, как где-нибудь в провинции, на вечеринке юношей, увлеченных литературой, подымались споры, что будет с Онегиным: женится ли он на Татьяне? доведет ли автор своего героя до кончины? и от чего умрет Онегин? Тот же голос далекого прошлого звучал в словах деда, когда он начинал жаловаться на слишком дорогую цену отдельных глав «Онегина»¹.

Рецензент «Московского вестника» (М. П. Погодин (?)) попытался в своем журнале воспроизвести разноголосицу суждений, вызванных появлением в печати четвертой и пятой глав «Онегина». «Характером Онегина, — пишет он, — не довольны, или, лучше сказать, его не любят, хотя судьи, поблагоразумнее, говорят, что этот характер надобно рассматривать, хвалить, порицать, осуждать, объяснять, только в психологическом отношении как явление нравственное, а в художественном — советуют смотреть только на его изображение». Иными словами, надо осознавать, похож ли герой «на свой подлинник» (т. е. на реально существовавший в пушкинскую эпоху социально-психологический тип), а не распространяться о том, «что нос широк, а брови густы». Читатели романа «бились об заклад», что смогут «отгадать все будущие решения Онегина, как станет он действовать в тех или других обстоятельствах». Далее критик рисует сценку, участники которой

¹ Брюсов В. Я. Избранные произведения. М., 1955. Т. 2. С. 518.

разделились на две партии: первая оценивала характер и поступки Онегина как подражание героям Байрона и В. Скотта, вторая усматривала в его действиях оригинальные мотивы. «Ну, примет ли он вызов Ленского? — спросил атлет из первой партии одного из своих противников. — Тот задумался, но наконец отвечал: это может зависеть от разных посторонних обстоятельств; вероятно Онегин употребит усилие для того, чтоб кончить распрю. Впрочем, может быть и примет вызов. — «Изверг, изверг!» — воскликнули все присутствовавшие дамы. Многим сделалось дурно, и бедные насилу очнулись», — с иронией замечает рецензент романа. «Дамы, — пишет он далее, — вообще в ужасном негодовании на Пушкина за то презрение, которое он к ним при всяком случае обнаруживает в стихах своих, за злость, с которою придирается»¹. Провинциальные барышни обижались на Пушкина за Ольгу Ларину, пензенские дамы усматривали неприличные намеки в рассуждении автора о журнале «Благонамеренный» (шутливый и остроумный обмен мнениями на этот счет содержит переписка Пушкина и Вяземского, в числе прочего писавшего Пушкину из Пензы 26 июля 1828 г.: «В нашем соседстве есть Бекетов <...> добрый и образованный человек <...> У этого Бекетова есть сестра *Золотарева*, баба молодец <...> все главы Онегина знает наизусть» (XIV, 23). Однако значительно чаще читательницы пушкинской поры обнаруживали известную узость взгляда если не на поступки героев романа, то на мнения самого автора романа. Костромская поэтесса Готовцева укоряла Пушкина за резкие слова в адрес женщин в начальных строфах четвертой главы романа (опубликованных в «Московском вестнике» и, надо полагать, не без влияния вызванных этими строфами «женских обид» опущенных в печатном издании этой главы). По воспоминаниям А. О. Смирновой-Россет, воспитанницы Института благородных девиц были шокированы упоминанием в первой главе романа принадлежностей мужского туалета (панталон, фрака, жилета), заявив читавшему им роман Плетневу: «Какой, однако, Пушкин индеса» (т. е. неприличный. — *Р. И.*)². Это, однако, единичные, во многом курьезные случаи, и читатели в своей основной массе оказались, как это ни парадоксально, более подготовленными к восприятию жанровой и стилистической новизны романа, чем многие из современных поэту критиков. Тот же «Московский вестник» сообщал: «И женщины, и девушки, и литераторы, и светские люди, встретясь, начинают друг друга спрашивать: читали ли

¹ Московский вестник. 1828. Ч. 7. № 4. С. 461—463.

² Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 165.

вы «Онегина», как вам нравятся новые песни, какова Таня, какова Ольга, каков Ленский и т. п.». Последний вызвал множество споров и даже нареканий: «Жалеют, что Ленский только описывается, а не представляется в действии»; «вызов Ленского называют несообразностию»¹. Приведя множество диаметрально противоположных читательских суждений о романе, рецензент «Московского вестника» замечает: «До чего простирается разность в суждениях! Одним очень нравится небрежность, с которою пишется роман: слова льются рекою и нет нигде ни сучка, ни задоринки. Другие, свысока, видят в этой натуральной небрежности доказательство зрелости Пушкина: поэт, говорят они, уже перестает оттачивать формы, а заботится только о проявлении идей; третьи — каково покажется? — небрежность эту называют неучтивостью к публике. Пушкин знался и пр. Четвертые толкуют о порче вкуса»². О последнем (т. е. о «порче вкуса») придирчиво писала консервативно настроенная критика (например, печально знаменитый рецензент «Атеней» М. А. Дмитриев, обнаруживший полную неспособность понять своеобразие пушкинского романа, богатство его содержания и существенную новизну его литературной формы). Критика такого рода задевала поэта, однако спор с нею Пушкин перенес на страницы журнальных статей. Иное дело — читательские суждения: весь пестрый хор голосов своих читателей Пушкин воспринимает как явление самой жизни и откликается на их суждения в лирических отступлениях своего романа. Вот почему так многолик и неоднозначен образ читателя в романе «Евгений Онегин», он сопровождает поэта на всем протяжении его рассказа о судьбах героев. Автор и читатель в романе выступают как равноправные собеседники: поэт делится со своим читателем сомнениями и печалью, посвящает его в тайны профессионального мастерства, обсуждает сюжетные возможности романа. Читатель сопутствует автору романа, подобно тому как работа над романом сопутствовала творческой жизни самого поэта. Именно поэтому в последних строфах романа, прощаясь со своим трудом, Пушкин прощается и с читателем:

Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здесь ни искал в строфах небрежных,
Воспоминаний ли мятежных,
Отдохновенья ль от трудов,
Живых картин, иль острых слов,

¹ Московский вестник. 1828. Ч. 7. № 4. С. 461—463.

² Там же. С. 466.

Иль грамматических ошибок,
Дай бог, чтоб в этой книжке ты
Для развлечения, для мечты,
Для сердца, для журнальных сшибок,
Хотя крупицу мог найти.
За сим расстанемся, прости! (VI, 189)

Как видим, читательское мнение (а его отзвуки явно проступают в приведенных выше строках) участвует в формировании художественного текста романа в стихах. В нем множество уже подмеченных в пушкиноведении и не выявленных еще намеков и откликов, скрытой и явной полемики с современниками по самому широкому кругу вопросов — литературно-эстетических и общественно-исторических, политических и житейски обыденных. Много из того, что вызывало нарекания или ставило в тупик читателей первых глав, получало разъяснение, возражение, а иногда даже прямую отповедь в тексте последующих глав.

Динамика творческой мысли поэта — может быть, наиболее примечательная черта романа, выражение той самой непредсказуемости и отсутствия заданности его характеров и конфликтов, которые определяются «свободной формой» пушкинского «Евгения Онегина». Отсюда вариативность сюжетных и фабульных линий романа.

Начатый еще в преддверии декабрьских событий 1825 г., роман отразил резкие перемены общественного климата, повлиявшего на самый тип повествования, усилив в нем трагические и драматические интонации. Сюжетная вариативность, свойственная и первым главам романа и как бы запрограммированная художественными принципами автора романа в стихах, многократно усилилась в главах, написанных уже после декабрьских событий. Сложнейший комплекс вызванных ими переживаний и чувств Пушкина существенно повлиял на развитие всего замысла романа, привел к необходимости заново продумать его общую структуру, по-новому оценить и резко переменить жизненные судьбы его героев.

В пушкиноведении неоднократно отмечалось, что декабрьские события остались по целому ряду причин (в том числе и по цензурным соображениям) за хронологическими и сюжетными рамками окончательного текста романа, однако в черновых рукописях «последекабрьских глав» сохранились многочисленные следы размышлений Пушкина на эту тему. Лишенный возможности осуществить свой замысел в полном виде (включая и знаменитые декабристские строфы, известные как «Десятая глава» «Евгения Онегина»), Пушкин ищет пути и способы завершения романа в его художественном единстве и целостности. Необходимостью решения этих сложнейших твор-

ческих задач во многом объясняется тот временной разрыв, который разделяет вышедшие из печати четвертую, пятую и шестую главы «Онегина» в 1828 г. от появившихся в начале 1830-х гг. последних его глав (седьмой и восьмой). Заканчивая работу над «Онегиным» в Болдине в 1830 г., Пушкин продолжал совершенствовать структуру романа, его общую композицию, не прекращая при этом работу над его последней главой. Но только выход из печати «Осьмой и последней главы» «Евгения Онегина» в 1832 г. подвел наконец черту под длительным и сложнейшим процессом формирования окончательного текста романа. Реализацию авторского замысла завершило первое полное издание «Евгения Онегина», вышедшее из печати в 1833 г., текст которого и дает последнюю (основную) редакцию романа. Печатным же изданиям отдельных глав романа, выходявшим в свет с 1825 г. по 1832 г., принадлежит исключительно важная роль: в них в прямой и непосредственной форме выражались принципы «свободного романа», адресованного широкой читательской аудитории. Поэтому в «Евгении Онегине», как отмечает современный исследователь, «текст и внетекстовой мир органически связаны, живут в постоянном взаимном отражении, перекликаются намеками, отсылками, то звуча в унисон, то бросая друг на друга иронический ответ, то вступая в столкновение»¹.

Ставшие библиографической редкостью еще при жизни Пушкина, отдельные издания глав «Евгения Онегина» воспринимаются нами не только как вехи в истории создания романа, но и как выражение стремления Пушкина к живому и непосредственному контакту с читателем его времени. Эти изящно изданные книжечки обладают непреходящим культурно-историческим и художественным значением.

В следующих разделах статьи мы обратимся к более детальному рассмотрению работы Пушкина над отдельными главами романа, а также к истории их появления в печати.

2

Пушкин начал писать «Евгения Онегина» 9 мая 1823 г. В рабочей тетради, где был начат роман (ПД, № 834)²,

¹ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 8.

² Ссылки на рукописи Пушкина, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, ф. 244, оп. 1, даются сокращенно: ПД, № (с последующим обозначением единицы хранения и в необходимых случаях порядкового номера листа автографа).

перед первой его строфой стоят две даты: «9 мая» и «28 мая ночью». Поэт сознавал, что приступает к большой, более значительной, чем все предыдущие, работе, поэтому считал необходимым засвидетельствовать ее начало датой. Болдинской осенью 1830 г., уже закончив роман, Пушкин подсчитывает, сколько лет, месяцев и дней ушло у него на эту работу.

В конце второй строфы, на левом поле тетрадного листа впервые видим заглавие романа: «Евгений Онегин, поэма в ». Появление заглавия, очевидно, и отмечено второй датой, т. е. поэт еще не знает, сколько песен или глав будет в начатом произведении, но сама эта неопределенность показывает, что он задумал большое полотно из современной жизни.

Замысел романа в стихах возник гораздо раньше, чем Пушкин приступил к работе над ним. Это было еще в Гурзуфе, куда в 1820 г. он приехал вместе с семейством Раевских. 10 ноября 1836 г. Пушкин писал кн. Н. Б. Голицыну: «Как я завидую Вашему прекрасному крымскому климату. Письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего «Онегина», и вы, конечно, узнали некоторых лиц» (XVI, 395). В Гурзуфе, с помощью сестер Раевских, Пушкин делал первые попытки познакомиться с Байроном по подлинникам. Тогда же его привлекли стихотворные строфы «Дон-Жуана». Но обратился он к строфической форме романа в стихах, уже пережив увлечение английским поэтом, отдав ему должное в своих южных поэмах.

В тетради № 834 были написаны первые две главы «Онегина». Переписывая роман перед отправкой в Петербург, уже в Михайловском, Пушкин еще раз отработал его текст.

Потом, оглядываясь на пройденный с героями путь, в заключительной строфе, Пушкин вспомнит начало работы, когда «даль свободного романа» он «еще не ясно различал». Конечно, в 1823 г. он не представлял себе, какие исторические катаклизмы предстоит испытать русскому обществу и как они отразятся на судьбах героев романа. Но и в начале работы судьбы героев, как и их характеры, складывались не сразу. С Онегиным, казалось, все было ясно, — «человек, которых тысячи встречаются», напишет потом А. Бестужев. Сомнения вызывали лишь детали. Особенно тщательно отрабатывается третья строфа — о воспитании героя. Пушкин сперва дает ему в воспитатели француза («Мосье учил», «Мосье l'Abbe», «Мосье француз»), потом появляются строки:

Мосье швейцарец очень [умный]

[Его не мучил бранью шумной]

И лет 16-ти мой друг

Окончил курс своих наук. (ПД, № 834, л. 5)

По замечанию Ю. М. Лотмана, воспитатель «швейцарец» — следствие пережитого Пушкиным на юге увлечения Руссо¹. Лотман приводит отрывок из «Моей исповеди» Карамзина, где тот пишет, что «французские гувернеры в знатных домах» «выходили уже из моды». «Женевец» был воспитателем и в близком Пушкину доме Тургеневых. Оставляя в окончательном тексте воспитателя француза, Пушкин подчеркивает и некоторую бессистемность в воспитании героя и равнодушие отца, а может быть, и несостоятельность промотавшегося дворянина дать достойное «моды» воспитание сыну.

Не просто складывался образ героини. Вплоть до XXII строфы второй главы в романе действует только одна героиня — невеста Ленского. Ее зовут Ольгой, она «дочь соседей бедных», и в конце романа ее, по-видимому, ожидала смерть. В наброске строфы XXII (XXIIa) есть такие строки:

В глазах родителей [она цвела]
Цвела как ландыш потаенный —
Не знаемый в траве глухой
Ни мотыльками ни пчелой —
И в ночь ивъ утро окропленной
Росою неба
 солнечным лучом —
 быть может рано обреченной
Размаху гибельной косы
[Иль червь] [Минутной] (ПД, № 834, л. 34)

Мы видим, что над Пушкиным еще тяготели романтические каноны. Любовный конфликт и смерть героини — таков, очевидно, был первоначальный стержень сюжета. Но главной героиней Ольга смогла пробыть только на протяжении трех строф (XXI, XXII, XXIII). Затем у «тривиально»-романтической Ольги появляется «нетривиальная» сестра. Сперва Пушкин назвал ее Наташей, потом появилось «простонародное» имя Татьяна. Роман обрел новый сюжетный поворот².

Среди строф «Онегина» в тетради № 834 находим еще несколько дат. Пушкин работал с увлечением: как всегда тщательно отделявая стих, подбирая, среди многих, единственное приемлемое для него выражение. На л. 22 он заканчивает главу первую и ставит дату: «Oktobre 22 1823. Odessa». Еще одна дата стоит после XVII строфы главы второй: «1 novembre 1823». Однако о своей работе

¹ См.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 123.

² См. об этом: Дьяконов И. М. Об истории замысла «Евгения Онегина»//Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 85—87.

Пушкин молчит. Только что вышел «Кавказский пленник», поэма обсуждается в салонах и журналах, в письмах к друзьям поэт объясняет характер Пленника. И только когда была написана половина второй главы, он сообщает друзьям (пока еще завуалированно) о своей новой работе. Первое упоминание об «Онегине» мы находим в письме к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 года: «Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разнища. В роде Дон-Жуана — о печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша так своенравна, что с нею невозможно размерить круга своего действия — лучше об ней и не думать...» (XIII, 73). А 16 ноября он сообщает ту же новость Дельвигу: «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь до-нельзя. Бируков (цензор. — Я. Л.) ее не увидит за то, что он фидитя, блажной дитя» (XIII, 75). И еще раз, уже 1 декабря, пишет он А. И. Тургеневу: «...я на досуге пишу новую поэму, *Евгений Онегин*, где захлебываюсь желчью. Две песни уже готовы» (XIII, 80).

Петербургским друзьям Пушкин пишет о новой работе, приятелей, живущих на юге, уже знакомит с набросанными (пока еще черне) отрывками. В письме В. И. Туманского к Кюхельбекеру от 11 декабря 1823 г. встречаем цитату из романа: «...ты меня любишь не от *делать нечего...*» (XIII, 81). Несколько позднее «величавый рогоносец» из строфы XII главы первой появится в письме С. Г. Волконского к Пушкину (18 октября 1824 г. XIII, 112). Так строки романа становятся крылатыми словами задолго до его появления в печати.

Современному читателю трудно понять, почему Пушкин ожидал, что цензура будет строга к роману. В нем, казалось бы, нет крамольных строф, нет ни воззваний к вольности, ни богохульных пассажей. Правда, когда писались первые главы, особенно вторая, в них было достаточно запретных тем — здесь и изображение крепостной деревни, и упоминания о политических правах, здесь появлялся и Ленский с его вольнолюбивыми мечтами. Б. В. Томашевский справедливо заметил, что цензура могла обратить внимание, например, на такие стихи:

Царей портреты на стенах
Свободы сеятель пустынный,
Ярмо он барщины старинной
Оброком легким заменил
И небо раб благословил...¹

¹ См.: Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 600.

Несколько из этих стихов потом было изменено (см. строфу IV). Исключил Пушкин из текста строфу, где говорилось о политических настроениях Онегина:

Не посвящал друзей в шпионы
Не думал что добро, законы,
Любовь к отечеству, права
Для оды звучные слова
Но понимал необходимость
И час покоя своего
Не отдал бы ни для кого
Он очень уважал решимость...
Гонимой славы нищету
Восторг (?) и сердца правоту (VI, 276—277).

В строфе, посвященной поэзии Ленского, рисовался «...добрый юноша готовый//Высокий подвиг совершить», и тут же «...праведник изнеможенный//К цепям неправдой присужденный» (VI, 282—283). Приведенные строки отсутствуют в окончательном тексте. Позднее, в Михайловском, Пушкин также не забывает о цензуре. Вот отрывки из его писем:

8 февраля 1824 г. Из Одессы. А. Бестужеву: «Об моей поэме нечего и думать — если когда-нибудь она и будет напечатана, то верно не в Москве и не в Петербурге» (XIII, 88).

7 июня 1824 г. Из Одессы. Вяземскому: «С женою отошлю тебе 1-ую песнь Онегина. Авось с переменой министра (место министра народного просвещения в 1824 году занял А. С. Шишков. — Я. Л.) она и напечатается...» (XIII, 97).

13 июня 1824 г. Из Одессы. Л. С. Пушкину: «Попытаюсь толкнуться ко вратам цензуры с первой главой или песнью Онегина. Авось пролезем» (XIII, 98).

29 июня 1824 г. Из Одессы. А. Бестужеву: «Онегин мой растет. Да чорт его напечатает — я думал, что цензура ваша поумнела при Шишкове — а вижу, что и при старом по старому» (XIII, 101).

14 июля 1824 г. Из Одессы, А. И. Тургеневу: «Зная старую вашу привязанность к шалостям окаянной Музы, я было хотел прислать вам несколько строф моего Онегина, да лень. Не знаю, пустят ли этого бедного Онегина в небесное царствие печати; на всякий случай, попробую» (XIII, 103).

15 июля 1824 г. Из Одессы. Спрашивает Вяземского о Кюхельбекере: «Дал ли ты ему Разбойников для Мнемозины? — Я бы и из Онегина переслал бы что-нибудь, да нельзя: все заклеено печатью отвержения» (XIII, 104).

И когда рукопись «Онегина» была уже в Петербурге, Пушкина все равно грызут сомнения. Обращаясь к П. А. Плетневу с просьбой быть издателем романа, он все

же пишет: «Созови мой Ареопаг, ты, Ж.<уковский>, Гнед.<ич> и Дельвиг — от вас ожидаю суда и с покор- н<остью> при<му> его решение» (конец октября 1824 г. XIII, 113).

После того как цензурные дела были улажены, он удивляется: «...не ожидал я, чтоб он («Онегин» — Я. Л.) протерся сквозь цензуру — честь и слава Шишкову!» (письмо к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г. XIII, 135).

Первая глава посвящена воспитанию и светской жизни молодого человека, ничем особенно не примечательного. Почему же Пушкин так опасается цензуры? Скорее всего, опасения вызывали лирические отступления, в которых проглядывали реалии его собственной жизни. Мы знаем, что даже в 1827 г. цензор Гаевский отказывается пропустить в печать стихотворения «19 октября» и «Я помню чудное мгновенье», где, как писал он, поэт, «говоря о самом себе, употребляет выражения, которые напоминают об известных обстоятельствах его жизни»¹. Под «обстоятельствами жизни» подразумевалась ссылка. В первой главе о судьбе самого поэта говорится достаточно прозрачно. Здесь не только Онегин, но и сам Пушкин — «почетный гражданин кулис» (а мы знаем, что поведение Пушкина в театре раздражало правительство не менее, чем «вольные» эпиграммы). Здесь и упоминание о Катенине, фронтдирующее поведение которого в театре послужило поводом для ссылки его в собственное поместье. Здесь же и намек на ссылку самого Пушкина. К стиху «Но вреден север для меня» Пушкин из осторожности делает примечание: «Писано в Бессарабии», как будто автор отправился в Бессарабию по собственной воле для поправки здоровья.

Жизнь в изгнании навела Пушкина на тему об Овидии. Посылая свое послание «К Овидию» для «Полярной звезды», Пушкин боялся, пройдет ли оно сквозь «тесные ворота» цензуры, и просил напечатать его без подписи. В первой главе «Онегина» о «страдальце» Овидии (Назоне) упоминается в строфе VIII, после которой идет многозначительная пауза — пропуск строфы IX.

Слухи о том, что Пушкин пишет и готовится издать новую поэму, быстро дошли до Петербурга и, конечно же, до издателей. В начале апреля 1824 г. Пушкин из Одессы пишет Вяземскому: «Теперь поговорим о деле, т. е. о деньгах. Слёнин предлагает мне за Онегина, сколько я хочу. Какова Русь, да она в самом деле в Европе — а я думал, что это ошибка географов» (XIII, 92). Но поэт решил издать Онегина на свой страх и риск. С романом связывалась надежда поправить денежные дела. Примерно в это же время он пишет правителю канцелярии М. С. Ворон-

¹ Об этом см.: Вацуро В. Э. «Северные Цветы»: Альманах Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 107.

цова А. И. Казначееву письмо в надежде получить отставку: «...оно (стихотворство.— Я. Л.) просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость <...> я поминутно должен отказываться от самых выгодных предложений единственно по той причине, что нахожусь за 2000 в. от столиц. Правительству угодно вознаграждать некоторым образом мои утраты, я принимаю эти 700 рублей не так, как жалование чиновника, но как паек ссылочного невольника» (XII, 93).

В Михайловском поэт лишился и тех 700 рублей, которые получал, числясь на службе у Воронцова. Тем важнее были для него денежные дела.

Издателем романа охотно согласился быть Вяземский. Только что под его присмотром вышел «Бахчисарайский фонтан» на весьма выгодных для Пушкина условиях. Но Вяземский на дурном счету у правительства, а автор «Онегина» уже не в Одессе, а в Михайловском, и уже не просто «ссылочный невольник», а невольник провинившийся, «удостоенный» новой ссылки. Поэтому от дружеских услуг Вяземского он решил отказаться. «Не сердись, милый,— извиняется он,— чувствую, что в тебе теряю вернейшего попечителя, но в нынешние обстоятельства, всякой другой мой издатель невольно привлечет на себя внимание и неудовольствия» (XIII, 125).

Пушкин выбирает другого издателя — вполне благонамеренного П. А. Плетнева. Плетнев в это время служил учителем словесности, числился по департаменту народного просвещения, и все изданные им книги Пушкина (в том числе и «Онегин») печатались в типографии, принадлежавшей этому ведомству. П. А. Плетнев не только друг Пушкина, но и на многие годы его помощник в издательских делах. Переписка с Плетневым показывает, что он больше чем кто-нибудь другой был осведомлен о творческих планах Пушкина. Поэт называет его «благодетелем» и «кормильцем» (XIV, 89), признается, что только ему и богу обязан своей независимостью (см.: XIV, 110). Позже сам Плетнев вспоминал: «Я был для него всем: и родственником, и другом, и издателем, и кассиром. Покойный Пушкин, находившись по большей части вне Петербурга, то в Новороссийском крае, то в своей деревне, беспрестанно должен был писать ко мне, потому что у него не было других доходов, кроме тех денег, которые собирал я от издания и продажи его сочинений. Привычка относиться во всем ко мне, опыты прямотушия моего и, может быть, несколько счастливых замечаний, которые удалось мне передать ему на его сочинения, до такой степени сблизили его со мною, что ему вздумалось предварительно советоваться с моим приговором каждый раз, когда он в новом сочинении своем о чем-нибудь думал надвое. Таким образом, присылая ориги-

нал свой ко мне для печатания, он прилагал при нем несколько поправок или перемен на сомнительные места, представляя мне выбрать для печати то, что я найду лучше»¹.

Следует сказать, что опасения Пушкина при выборе издателя были не напрасными. Как только участие Плетнева в издательских делах Пушкина дошло до правительства, последовал запрос начальника Главного штаба И. И. Дибича на имя петербургского генерал-губернатора П. В. Голенищева-Кутузова о том, каковы «взаимоотношения сочинителя Пушкина и комиссионера его, надворного советника Плетнева». Несмотря на вполне благоприятный для Плетнева ответ, объяснявший, что Плетнев «знает Пушкина как литератора, смотрит за печатанием его сочинений и вырученные за продажу оных деньги пересылает к нему по просьбе и препоручению Жуковского» и что Плетнев «поведения примерного, жизни тихой и уединенной, характера скромного и даже более, робкого», за Плетневым был установлен тайный надзор. Не помогло и свидетельство о его полной благонамеренности и даже ссылка на воспитателя наследника престола Жуковского, поручения которого якобы выполнял Плетнев в своих сношениях с опальным поэтом.

3 или 5 ноября 1824 г. Лев Пушкин повез в Петербург рукопись первой главы «Онегина». Между Михайловским и Петербургом началась переписка по поводу издания. Из осторожности все свои замечания и пожелания к отправленной рукописи Пушкин адресует не Плетневу, а брату. Приведем отрывки из этих писем:

1—10 ноября: «Шумит ли Питер? что твой приезд и что Онегин? (XIII, 118).

1—10 ноября: «Брат, вот тебе картинка для Онегина — найди искусный и быстрый карандаш. Если будет другая, так чтоб все в том же *местоположении*. Та же сцена, слышишь ли? Это мне нужно непременно». На картинке, приложенной Пушкиным к письму, нарисованы он сам и Онегин, опершиися на парапет набережной, на фоне Петропавловской крепости. Здания и фигуры на картинке помечены цифрами, а под картинкой — объяснение: «1 хорошо — 2 должен быть *опершиися на гранит*, 3 Лодка, 4 Крепость, Петропавловская» (XIII, 119). Картинка утверждала близость поэта и его героя («Онегин, добрый мой приятель»). «Местоположение» — крепость — символизировало судьбу поэта, которому «вреден» был политический климат Северной Пальмиры.

«Онегин» вышел без картинок, но рисунок Пушкина был использован художником А. Нотбеком (гравировал

¹ Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Т. 4. Вып. 13. С. 136.

его Е. Гейтман) и приложен к стихам Пушкина в «Невском Альманахе на 1828 год».

Рисунок был совсем не так хорош, как того хотел поэт. На картинке в альманахе он написал эпиграммы, среди которых была и такая:

Вот перешед чрез мост Кокушкин,
Опершись <-----> о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосьё Онегиным стоит.
Не достойная взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой! (III, 165)

Первая половина ноября 1824 г.: «Что Онегин? пере-
мени стих *Звонок раздался* поставь: Швейцара мимо он
стрелой». В Разг.<оворе> после *Искал вниманье красоты*
нужно непременно:

Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви,
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои.

Не забудь *Фон-Визина* писать *Фонвизин*. Что он за не-
христ? он русской, из перерусских русской» (XIII, 121).
В другом письме он просит: «...под Разговором поставить
число *1823 год*» (XIII, 126). «Разговор книгопродавца с
поэтом», которым предварялась первая глава, был напи-
сан в Михайловском, т. е. в 1825 г. Пушкин просит поста-
вить под ним другую дату. «Разговор» был поэтической
декларацией поэта, знаменовавшей его прощание с роман-
тизмом. Для Пушкина, очевидно, было важно заявить чи-
тателям, что эта декларация предшествовала работе над
романом, т. е. то, что роман писался уже с опорой на новые
эстетические позиции.

Поправки, о которых просил Пушкин, Плетнев внести
не смог: первые листы романа к этому времени были уже
отпечатаны.

Начало 20-х чисел ноября 1824 г.: «Будет ли картинка,
у Онегина?» (XIII, 123).

Около 20 декабря: «Христом и богом прошу скорее
вытащить *Онегина* из под цензуры <...> деньги нужны.
Долго не торгуйся за стихи — режь, рви, кромсай хоть
все 54 строфы его. Денег, ради бога, денег» (XIII, 130).

29 декабря подписано цензурное разрешение на первую
главу романа, и около 15 февраля книжка вышла в свет.

Сохранилось подробное письмо-отчет Плетнева Пуш-
кину о тираже, всех расходах на издание книги и о полу-
ченном гонораре. 3 марта 1825 г. «Плетнев любезный»
писал: «Нынешнее письмо будет рапортом, душа моя, об

Онегине. Я еще, кажется, не извещал тебя подробно о нем.

Напечатано 2 400 экземпляров. Условие заключил я со Слёниным, чтобы он сам продавал и от себя отдавал, кому хочет, на комиссию, а я, кроме него, ни с кем счетов иметь не буду. За это он берет по 10 процентов, т. е. нам платит за книжку 4 р. 50 к., продавая сам по 5 руб. За все экз., которых у него не будет в лавке, он платит деньги сполна к каждому 1 числу месяца для отсылки к тебе или как ты мне скажешь.

1-го марта, т. е. через две недели по поступлении Онегина в печать (т. е. в продажу — *Я. Л.*), я уже не нашел у него в лавке 700 экз., следовательно, он продал, за вычетом процентов своих, на 3150 рублей.

Из этой суммы я отдал:

1) За бумагу (белую и обертошную)	397	руб.
2) За набор и печатание	220	—
3) За переплет	123	—
4) За пересылку экземпляров тебе, Дельвигу, отцу и дяде (твоим)	5	—

Итого 754

Из оставшейся 2405 р. суммы Слёнин вычел 500 руб., которые я взял у него для отсылки к тебе еще прежде, нежели Онегин отпечатался» (XIII, 147).

Тираж, который определил Плетнев, был весьма значительным для своего времени. Знаменитая «Полярная звезда» Бестужева и Рылеева печаталась тиражом 1500 экземпляров, и это свидетельствовало об огромном успехе альманаха среди читателей (первую книжку напечатали в количестве 1200 экземпляров, и только после ее успеха издатели решились увеличить тираж на 300 экземпляров).

Первые две недели, казалось, были залогом того, что первая глава раскупится, но в дальнейшем продажа замедлилась. Из писем Плетнева узнаем, что в марте было продано еще 235 экземпляров, а за последующие 4 месяца только 161. Плетнев пытался сбыть книгопродавцам остатки тиража по более дешевой цене, но успеха не имел, и вся надежда была только на то, что с выходом второй главы возрастет интерес и к первой. «Никак не соглашаются, — писал он о книгопродавцах Пушкину 29 августа 1825 г. — Они думают, что эта книга уже остановилась, а забывают, как ее расхватают, когда ты напечатаешь еще песнь или две. Мы им тогда посмеемся дуракам. Признаюсь, я рад этому. Полно их тешить нам своими деньгами» (XIII, 217).

Пушкин с нетерпением ждал выхода книги и отзывов на нее. «Жду шума от Онегина...» (VI, 142), — писал он брату в начале февраля 1825 г. Но отклики на роман появились еще до выхода книги — в письмах друзей. Вскоре после отъезда брата Пушкин получил письмо от Жуковского. Жуковский, вероятно, был первым, кому Лев Пуш-

кин показал привезенную им рукопись. 12 ноября 1824 г. Жуковский пишет Пушкину: «Читал Онегина и Разговор, служащий ему предисловием: несравненно! По данному мне полномочию предлагаю тебе *первое* место на русском Парнассе. И какое место, естли с *высокостию гения* соединишь и *высокость цели!* Милый брат по Аполлону! это тебе возможно! А с этим будешь недоступен и для всего, что будет шуметь вокруг тебя в жизни» (XIII, 120). Жуковский судит новое произведение с романтических позиций, поэтому его внимание прежде всего привлекает «Разговор книгопродавца с поэтом», а в самом романе он пока не видит «высокой цели».

Иначе отнеслись к роману Плетнев и Катенин. Плетнев, так же как Жуковский, высоко ценит «Разговор», но восхищается и картинами петербургской жизни в романе. Издатель «Онегина» предвидел общественный резонанс, который вызовет новое произведение Пушкина. «Онегин твой будет карманным зеркалом петербургской молодежи,— пишет он.— Какая прелесть! Латынь мила до уморы. Ножки восхитительны. Ночь на Неве с ума нейдет у меня. Если ты в этой главе без всякого почти действия так летишь и влечешь, то я не умею вообразить, что выйдет после. Но Разговор с книгопродавцем верх ума, вкуса и вдохновения. Я уж не говорю о стихах: меня убивает твоя логика. Ни один немецкий профессор не удержит в пудовой диссертация столько порядка, не поместит столько мыслей и не докажет так ясно своего предложения. Между тем какая свобода в ходе! Увидим, раскусят ли это наши классики?» (22 января 1825 г. XIII, 133). Плетневу вторит Катенин: «...с отменным удовольствием проглотил г-на Евгения (как по отчеству?) Онегина <...> я нашел тут тебя самого, твой разговор, твою веселость и вспомнил наши казармы в Миллионной» (XIII, 169).

Разочарование принесли отзывы «республиканских» друзей — Бестужева и Рылеева, которые тоже прочитали «Онегина» в рукописи. Между ними и Пушкиным завязалась полемика. Часть писем до нас не дошла, но и сохранившиеся позволяют понять, в чем состояла суть спора. Бестужев писал: «Поговорим об *Онегине*. Ты очень искусно отбиваешь возражения на счет предмета — но я не убежден в том, будто велика заслуга оплодотворить тощее поле предмета, хотя и соглашаюсь, что тут надобно много искусства и труда <...> Чем выше предмет, тем более надобно силы, чтобы объять его — его постичь, его одушевить <...> Что свет можно описывать в поэтических формах — это несомненно, но дал ли ты Онегину поэтические формы, кроме стихов? поставил ли ты его в контраст со светом, чтобы в резком злословии показать его резкие черты? — Я вижу франта, который душой и телом предан моде — вижу человека, которых тысячи встречаю на яву, ибо са-

мая холодность и мизантропия и странность теперь в числе туалетных приборов» (9 марта 1825 г. XIII, 148—149). Упреки Бестужева поддерживает и Рылеев: «Не знаю, что будет Онегин далее: быть может в следующих песнях он будет одного достоинства с Дон Жуаном: чем дальше в лес, тем больше дров; но теперь он ниже Бахчисарайского фонтана и Кавказ.〈ского〉 Пленника. Я готов спорить об этом до второго пришествия. Мнение Байрона, тобою приведенное, несправедливо. Поэт, описавший колоду карт лучше, нежели другой дерева, не всегда выше своего соперника» (10 марта 1825 г. XIII, 150).

Оппоненты почувствовали новую реалистическую тенденцию в творчестве поэта, определили образ героя как типический («человек, которых тысячи встречаю»), но не смогли оценить новую систему изображения современного быта. Она была несовместима с привычными романтическими нормами «высокой» поэзии.

Пушкин понимал, что убеждать оппонентов бесполезно, но не мог и согласиться с ними: «...но все-таки ты неправ, — отвечал он Бестужеву, — все-таки ты смотришь на Онегина не с той точки, все-таки он лучшее произведение мое. Ты сравниваешь первую главу с Д.〈он〉 Ж.〈уаном〉. — Никто более меня не уважает Д.〈он〉 Ж.〈уана〉 (первые 5 пес., других не читал), но в нем нет ничего общего с Онег.〈иным〉 〈...〉 Дождись других песен 〈...〉 1-ая песнь просто быстрое введение, и я им доволен (что очень редко со мною случается). Сим заключаю полемику нашу» (24 марта 1825 г. XIII, 155)¹.

Распродажа всего тиража первой главы задержалась. Плетнев был уверен, что с появлением второй главы (а через Льва Пушкина он, конечно, знал, что она уже давно была написана) дела поправятся, и торопил поэта с ее изданием. От него к Пушкину идут бесконечные письма-просьбы:

29 августа 1825 г.: «Пришли мне (как только возможно тебе скорее) вторую и третью песни Онегина, чтобы я вместе напечатал их в одной книжке в продолжение сентября» (XIII, 217).

21 января 1826 г.: «Умоляю тебя, напечатай одну или две вдруг главы Онегина. Отбоя нет: все жадничают его. Хуже будет, как простынет жар. Уж я и то боюсь: стращают меня, что в городе есть списки второй главы. Теперь ты не можешь отговариваться, что ждешь выхода Пол.〈ярной〉 Звезды. Она не выйдет. Присылай, душа!» (XIII, 255).

6 февраля 1826 г.: «Сделай милость, выпусти Онегина. Ужели не допрошусь я» (XIII, 261).

¹ Подробно о полемике с Бестужевым и Рылеевым см.: Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 610—615.

14 апреля 1826 г.: «Не можешь ли ты решиться напечатать второй главы Онегина? Это необходимо нужно. Теперь она ходит в самой неисправной рукописи по городу, и от этого скоро к ней потеряют вкус. Сделай милость, напечатай: тогда скорее разойдется и первая. Ты от этого тьму получишь денег» (XIII, 272).

Плетнев во всем прав. «Полярная звезда», куда Пушкин отдал отрывок из «Онегина», выйти не могла: ее издатель, «государственные преступники», ждали суда, а тираж отпечатанного альманаха был арестован. События 14 декабря разделили время на «до восстания» и «после». Теперь уже не судьба Онегина, не судьба книги тревожит Пушкина, а судьба «друзей, братьев, товарищей» и судьба собственная. «А ты хорош! — отвечает он Плетневу на одно из писем, — пишешь мне: переписывай да нанимай писцов Опоческих, да издавай Онегина! Мне не до Онегина. Чорт возьми Онегина! я сам себя хочу издать или выдать в свет. Батюшки, помогите» (XIII, 265).

Прав Плетнев и когда беспокоится об издательской судьбе будущей книги. Рукопись второй главы в руках беспечного брата поэта — и жаждущие читатели раздобывают ее. Плетнев понимает, что распространение рукописи подрывает коммерческий успех издания. А то, что рукопись распространяется в списках, подтверждают и другие корреспонденты Пушкина. В начале февраля 1826 г. беспоконное письмо Пушкину отправляет Дельвиг: «Твоя 2-⟨я⟩ песня Онегина везде читается и переписывается. Я не только, что никому ее не давал, да и сам не имею. Твой экземпляр отдал Вяземскому, и для Цветов (т. е. для альманаха «Северные цветы», который издавал Дельвиг. — Я. Л.) тобою назначенные куплеты его жена мне и переписала и прислала. Дела поправить нечем другим, как прислать ее с третьей к Плетневу и приказать печатать» (XIII, 260). 14 марта 1826 г. П. А. Катенин с радостью сообщает Пушкину: «Наконец достал я и прочел вторую песнь Онегина, и вообще весьма доволен ею; деревенский быт в ней так же хорошо выведен, как городской в первой; Ленский нарисован хорошо, а Татьяна много обещает» (XIII, 269).

Несмотря на все уговоры и опасения, Пушкин разрешения на издание не дает и вообще сам ничего не пишет об «Онегине» друзьям, как будто вовсе забыл о своих издательских и денежных делах. Он вообще почти не пишет писем в тревожную весну и лето 1826 г. «Милый мой Вяземский, — читаем мы в его письме, написанном в эти тягостные месяцы неизвестности, — ты молчишь, и я молчу; и хорошо делаем — потолкуем когда-нибудь на досуге» (XIII, 274). Житейские, бытовые, издательские дела вспоминает он только после возвращения из ссылки. Как известно, фельдъегерь привез его 8 сентября из Михайловского в Москву, где незадолго до того отпраздновал свою

коронацию Николай I. По словам графа Д. Н. Толстого, «прощение Пушкина и возвращение его из ссылки составляли самую крупную новость эпохи»¹.

Поэт с наслаждением окунулся в море городской суеты — приемы, встречи с друзьями и поклонниками, литературные вечера, чтение «Бориса Годунова» и забытая за годы михайловского изгнания страсть к картам захватили его полностью. Если деньги были нужны в Михайловском, то в Москве нужда в них усилилась. Остановился он у С. А. Соболевского — это и решило судьбу издания второй главы. Не дожидаясь результатов переговоров с Плетневым и петербургскими издателями, Пушкин решил издать книгу в Москве с помощью Соболевского. Около 20 октября книга уже вышла в свет. Внешний вид ее почти не отличался от первой главы: тот же хороший, четкий набор, простые, изящные обложки без лишних украшений, — так потом будут издаваться и другие книги Пушкина. Книжечки выходили в обложках — каждый владелец мог переплести книгу по собственному вкусу. В библиотеке Пушкинского Дома имеется экземпляр первой главы, принадлежащий Александру I, в мягком коричневом сафьяновом переплете, — книга была подарена Пушкинскому музею Александровского лицея Николаем II.

Тираж второй главы, очевидно, не превышал обычного для того времени тиража — 1200 экземпляров. Этот тираж был высчитан Н. Смирновым-Сокольским на основании письма А. И. Тургенева брату Николаю Ивановичу от 18 ноября 1826 г.: «Пушкин печатает 2-ую главу Онегина, за 800 стихов просит 7000 рублей, дают 5, дадут и больше»². «Исходя из обычного тиража в 1200 экземпляров, — пишет Смирнов-Сокольский, — по цене пять рублей каждый, валовая стоимость издания была шесть тысяч. Учитывая книгопродавческую скидку, печать и бумагу, прибыль Пушкина можно определить в сумме, очень близкой к указанной Тургеневым, что-нибудь вроде четырех с половиной, пяти тысяч»³.

Книга в Москве расходилась хорошо, и Соболевский, как и его комиссионер А. Ширяев, не торопился пересылать ее в Петербург. А между тем в Петербурге лежали нераспроданные экземпляры первой главы, и Плетнев успел выпустить третью главу. Пушкин имел все основания быть недовольным! Уже будучи в Петербурге, он упрекал Соболевского: «Если бы ты просто написал мне <...> что ты не

¹ Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 29.

² Временник Пушкинской комиссии АН СССР. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 200.

³ Смирнов-Сокольский Н. И. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 134.

можешь прислать мне 2-ю главу, то я без хлопот ее бы перепечатал. Но ты все обещал, обещал — и благодаря тебя во всех книжных лавках продажа 1-ой и 3-й гл. остановилась. Покорно благодарю» (XIII, 350).

В 1829 и 1830 гг. первая и вторая главы «Евгения Онегина» были второй раз напечатаны Смирдиным. К этому времени успели выйти еще три главы романа, и покупатели, не успевшие ранее купить первые главы, естественно, хотели их иметь. Новым изданием опять распорядился Плетнев.

Однако вскоре в книгоиздательской деятельности Пушкина произошли перемены. Право на издание всех его произведений сроком на четыре года приобрел А. Смирдин. Он же имел право распоряжаться всеми вышедшими ранее, но еще не распроданными книгами Пушкина, т. е. вновь изданные главы стали собственностью Смирдина. Ожидая, что Пушкин скоро закончит роман и что тогда можно будет его издать полностью с большей выгодой, Смирдин не был заинтересован в повторном его издании. В 1833 году полное издание романа было выпущено, и, как полагает Смирнов-Сокольский, нераспроданные главы первого и второго издания скорее всего были уничтожены Смирдиным из чисто коммерческих соображений — недаром первое издание романа скоро стало библиографической редкостью¹.

Как же встретила первые главы романа журнальная критика? Уже первые отзывы показали, что Плетнев был прав: публика читала роман с увлечением. «Между тем, как мы пишем статью о новом произведении любимца Муз, — читаем в рецензии «Дамского журнала», — оно уже в руках у каждого образованного читателя, каждого светского человека и на письменном столике каждого литератора, друга и недруга музыки Пушкиной, и следовательно, все уже судят и рядят о *Евгении Онегине*». Сам рецензент (очевидно, П. И. Шаликов) особенно отмечает, что, «обращаясь к таланту Автора (...) мы узнаем более и более, к чему способен язык наш; это Протей под пером Пушкина: принимает все формы, все краски, все цветы; а гибкость, а легкость, а гармония стихов удивительны: это мелодия Олимпа, пленявшая богов!»². Шаликову вторит А. Е. Измайлов: «Рассказ превосходен: везде видна непринужденность, веселость, чувство и картинная Поэзия. *Описывать мое же дело* — говорит сочинитель на 21 стран. И правда: он мастер и большой мастер этого дела. Картины его отличаются не только нежностью кисти и свежестию красок,

¹ Подробнее об этом см.: Смирнов-Сокольский Н. и к. Указ. соч. С. 211—217, 240—247.

² Дамский журнал. 1825. Ч. 9. № 6. С. 246.

но не редко сильными, смелыми, резкими и характерными, так сказать, чертами, что показывает необыкновенное дарование, т. е. счастливое воображение и наблюдательный дух. Стихосложение (Versification) — превосходно¹.

Безоговорочно принял роман Н. А. Полевой. В «Московском телеграфе» появилось несколько статей о романе. Полевой проницательно отметил «народность» романа (под народностью он понимает «сообразность описания современных нравов»). Эту «народность, — пишет он, — Пушкин выразил мастерским образом. Онегин не скопирован с Французского или Англинского, мы видим свое, слышим свои родные поговорки, смотрим на свои причуды, которых все мы не чужды были некогда». Полевой, наверное, был единственным критиком, который сразу же отвел возможные упреки к Пушкину в подражании байроновскому «Дон-Жуану»: «предчувствуем, что Онегина осудят за подражание *Дон-Жуану* и *Бенпо* Бейрона, и *Дню* Парини. Читавшим Бейрона нечего толковать, как отдаленно сходство Онегина с Дон-Жуаном; но для людей не знающих Бейрона или Парини, но которые любят повторять слышанное, скажем, что в Онегине есть стихи, которыми одолжены мы, может быть, памяти Поэта; но только немногими стихами и ограничивается сходство: характер героя, его положения и картины, все принадлежит Пушкину и носит явные отпечатки подлинности, не переделки»².

При всем восхищении новым произведением Пушкина Полевой не уловил органичности структуры романа. Первая глава представлялась ему как «ряд картин чудной красоты, разнообразных, прелестных, всегда живых», где «герой только связь описаний».

В дальнейшем это мнение Полевого оказалось исходным для многих отзывов на роман. Колебания в общей оценке романа (положительной или отрицательной) не влияли на определение его структуры. Менялись формы и оттенки высказываний — восторженные, гневные, уничтожающие, презрительные, но смысл их, за редким исключением, оставался неизменным. В представлении о структуре романа как «ряде картин» сходились критики, занимавшие различные эстетические позиции, — яростный защитник романтизма Полевой и не менее яростный его противник Надеждин³.

¹ Благонамеренный. 1825. Ч. 29. № 9. («Книжные известия»). С. 323—324.

² Московский телеграф. 1825. Ч. 2. № 5. С. 49,50.

³ См.: Левкович Я. Л. Наброски послания о продолжении «Евгения Онегина» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 268—269.

Между тем работа над романом была в полном разгаре: в «пяльцах» у Пушкина (как образно определял поэт черновую работу над своими произведениями) находились уже следующие главы его романа.

На л. 39 об. той же рабочей тетради (№ 834 (так называемой Первой масонской тетради) одновременно с работой над последними строфами второй главы, датируемыми 8 декабря 1823 г., сделан первоначальный набросок I строфы главы третьей:

Куда? уж эти мне поэты —
Прощай Онегин мне пора —

Однако, как отмечает С. А. Фомичев, подробно исследовавший работу над третьей и четвертой главами «Евгения Онегина», «всерьез приступил Пушкин к третьей главе лишь два месяца спустя: 8 февраля 1824 г. ночью (помета на л. 48 об.)». Исследователь объяснил вынужденный перерыв в работе, начатой было вслед за завершением второй главы, но неожиданно прерванной, тем, что «Пушкину требовался некий срок на обдумывание фабулы романа», ибо именно с третьей главы «начиналось непрерывное фабульное действие романа, едва намеченное в двух предыдущих главах»¹.

Завязкой будущего фабульного развития романа должна была стать первая встреча Онегина с Татьяной со всеми драматическими последствиями, вытекающими из этого знакомства. Однако на первых порах Пушкин намеревался подробно описать те настроения, которые вызвала эта встреча у Онегина (эти строфы печатаются в академическом собрании сочинений Пушкина под условным цифровым обозначением Va и Vб):

Проснулся <он> денницы ране
И мысль была все о Татьяне
Вот новое подумал он —
Не уж-то я в нее влюблен
Ей богу это было б славно
[Себя] [уж] то-то б одолжил
Посмотрим — и тотчас решил
Сосед<ок> навещать исправно. (VI, 307—308).

Однако подобный сюжетный поворот мог привести повествование лишь к быстрому и счастливому финалу, что, разумеется, не входило в творческие замыслы автора. Кроме того, подобное состояние героя никак не мотивировалось

¹ Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина № 835//Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1983. Т. 11. С. 35.

психологически: Онегин первых глав романа был еще совершенно не готов к пониманию глубокого и внутренне цельного чувства Татьяны, поэтому из двух возможных вариантов взаимоотношений героев Пушкин выбирает вариант «неблагополучный», но находящий твердую опору в их характерах и обусловленный внешними обстоятельствами их жизни. Показательно, что здесь же Пушкин делает набросок XXIX строфы второй главы (использованной позднее при работе над IX строфой третьей главы романа), характеризующий душевное состояние героини:

Теперь с каким она вниманьем
Роман брала к себе в постель
[Во сне] [с каким] очарованьем
Являлся ей Малек Адель. (VI, 292)

На вырванных из тетради № 834 последних листах, видимо, находились следующие строфы черновой редакции третьей главы «Онегина», до нас не дошедшие. По мнению С. А. Фомичева, в этой тетради были записаны еще примерно десять строф из общего числа утраченных VII—XXIV строф третьей главы. Дальнейшая работа над главой была перенесена в другую рабочую тетрадь, № 835 (Вторую масонскую), где находятся черновики XXV—XLI строф и среди них черновые варианты письма Татьяны к Онегину и оба варианта «Песни девушек». Этот массив онегинских строф относится к осени 1824 г. Однако интенсивная работа над главой, как показал С. А. Фомичев, была начата в конце марта 1824 г. — планом-конспектом и строфами Va и VI, рисующими впечатления Онегина и Татьяны от первой их встречи. Таким образом, в первоначальной редакции третьей главы оба главных героя испытывают сходные чувства при встрече, но, отказавшись от мотива влюбленности Онегина в Татьяну, Пушкин направил сюжетное развитие романа по совершенно иному руслу. В Михайловском, отмечает С. А. Фомичев, на л. 11 тетради № 835 «выше даты «5 сентября 1824 г.» записывается новая редакция 5—14 строк XXXII строфы <...> а ниже даты — строфа XXXIII»; «в те же дни на следующей странице записывается чернилами и строфа XXXIV»¹. Эти строфы рисуют состояние Татьяны после проведенной над письмом Онегина ночи без сна, а также повествуют об утреннем разговоре ее с няней и просьбе переслать письмо Онегину. Затем последовал небольшой перерыв в работе. Между 26 сентября и 2 октября были созданы последние черновые строфы третьей главы романа. Дальнейшая работа над текстом главы третьей, выразившаяся в исправлении, уточнении написанных строф, а также в создании ряда новых строф, дополняющих общее повествование (в том числе и

¹ Фомичев С. А. Указ соч. С. 39.

примерно десять строф из числа не дошедших до нас VII—XXIV строф), была проделана Пушкиным при перебеливании чернового текста. Сохранившийся белой автограф третьей главы также датирован 2 октября 1824 г. (параллельное работе над черновым текстом перебеливание произведения характерно и для других произведений Пушкина, например для поэмы «Цыганы»). Но уже к следующим числам октября относится черновой набросок начальных строк главы четвертой (на л. 29 об.):

Сегодня вы ко мне писали
Не отпирайтесь

Под текстом дата — 10 октября. Далее Пушкин возвращается к тексту, предваряющему эти слова:

Минуты две они молчали
Но к ней Онегин подошел
И молвил — Вы ко мне писали
Не отпирайтесь — я прочел (VI, 343).

И только после этого начинается разработка некоторых мотивов исповеди Онегина и большого лирического отступления о женщинах, передвинутого затем в начало главы, а в окончательном тексте романа опущенного (см. л. 29 об.—34, 39 об.—51 об. тетради № 835). На л. 52 под строфой XXIII («Что было следствием свиданья») — две даты: «1 генв. 1825 г.» и «31 дек. 1824 г.» Дальнейшая работа над строфами XXIX, XXIV (а—д) четвертой главы ведется на следующих л. 52 об.—54 об. В них намечается новый сюжетный поворот, связанный уже с линией Татьяны Лариной (отвергнутой Онегиным), но осуществленный лишь в седьмой главе:

Старушка очень полюбила
Благоразумный их совет —
В столицу [ехать] положила
Как только [будет] зимний след (VI, 358).

Другим примером сюжетного хода, «опережающего» развитие действия романа, являются записанные на л. 65—68 об. «одесские» строфы (позднее включенные в «Путешествие Онегина»), которые свидетельствуют, что мысль о странствиях героя возникла у Пушкина на самых ранних стадиях его творческой работы и поначалу никак не связывалась с какими-либо трагическими обстоятельствами жизни Онегина. С. А. Фомичев датирует эти строфы второй половиной марта — апрелем 1825 г.

«Что же касается Ленского, — замечает он, — то, определяя его судьбу, Пушкин, надо полагать, колебался между несколькими вариантами, которые будут упомянуты уже как нереализованные (хотя и возможные некогда для Ленского) в строфах XXXVII—XXXIX шестой главы ро-

мана»¹. Интенсивнейшая работа над последними строфами четвертой главы ведется в тетради № 835 в декабре 1825 г. Под LI строфой этой главы («Он был любим...») стоит авторская дата — «6 генв.» (1826 г.). Работа над этими строфами велась уже после получения Пушкиным известия о трагических событиях 14 декабря 1825 г., и поэтому в ней, как и в начатой за два дня до окончания четвертой главы (т. е. «4 генв.») пятой главе романа, отражаются (если не в самом содержании главы, то в сопровождающих работу над нею рисунках) тревожные и трагически окрашенные размышления Пушкина.

Записанные подряд строфы I—XX пятой главы занимают в тетради № 835 л. 79 об.— 84 и датируются январем 1826 г. Начальный фрагмент следующей строфы XXI, заключающий в себе последний эпизод сна Татьяны, не уместился на л. 84, и Пушкин нашел для него небольшое свободное место на нижней стороне л. 64, где продолжил карандашом, так же как и на л. 82, 82 об., частично на л. 83 об. и л. 84, работу над XXI строфой пятой главы. Но, не закончив ее, он вернулся к написанному ранее тексту и на свободном л. 83 (с заходом на верхнюю часть л. 83 об.) записал строфы XV, XVI и начало XVII строфы, содержащие описание сна Татьяны.

Январь 1826 г. — начало следствия над декабристами, о котором в Михайловское доходили неясные и противоречивые слухи. Рисунки на л. 80 об. и л. 81 об. (на полях текста «Татьяна верила преданьям» и «Морозна ночь») — портреты Мирабо, пушкинский автопортрет (так называемый «робеспьеризированный» Пушкин, т. е. как бы загримированный под Робеспьера) и портреты руководителей и участников декабристского восстания (Пестеля, Рылеева, Кюхельбекера), раскрывают внутреннее состояние Пушкина, беспокоившегося об участии друзей-декабристов.

Работа над строфой XXI, в которой описывается пробуждение Татьяны после сна, была продолжена в другой рабочей тетради Пушкина — № 836 (так называемой Третьей масонской тетради) тогда же, т. е. в январе 1826 г. На л. 49 (ПД, № 836) находятся портреты деятелей Великой французской революции, продолжающие цепь аналогий и ассоциаций, вызванных событиями 14 декабря. Строфы XXI—XXIV и находящиеся среди них портреты деятелей французской революции завершают первый этап работы Пушкина над пятой главой. Пушкин вернется к ней лишь осенью 1826 г. В Москве, куда он был вызван Николаем I из Михайловской ссылки, были созданы XXV и XXVI строфы пятой главы (первая из них открывается известной пародией стихов Ломоносова «Но вот багряною рукою», исполь-

¹ Фомичев С. А. Указ соч. С. 44.

зованной для описания именин Татьяны; вторая характеризует съехавшихся на именины гостей Лариных). Однако «осенние» «московские» строфы пятой главы единичны, основная же часть ее черновых строф относится к ноябрю 1826 г., когда глава была завершена вчерне, а затем и переписана набело. Беловой автограф пятой главы датирован 22 ноября 1826 г.

В высшей степени сложным представляется вопрос о времени написания шестой главы пушкинского романа, рукописи которой дошли до нас в виде отдельных фрагментов. В плане-оглавлении «Евгения Онегина», составленном Пушкиным болдинской осенью 1830 г., указано, что шестая глава («Поединок») была написана в 1826 г. в Михайловском. Необходимо полностью исключить как время создания этой главы поездку в Михайловское осенью 1826 г. Как это следует из письма Пушкина к Вяземскому от 1 декабря 1826 г., к этому времени шестая глава была уже написана: «В деревне я писал презренную прозу, а вдохновение не лезет. Во Пскове вместо того, чтобы писать 7-ю гл. Онегина, я проигрываю в штос четвертую...» (XIII, 310). Таким образом, шестая глава писалась в период михайловской ссылки и была завершена еще до окончания главы пятой, а точнее — в промежуток времени между январем и осенью 1826 г.

Можно попытаться восстановить ход творческой мысли автора «Онегина». После «январских» (I—XX и XXI—XXIV) строф пятой главы последовал длительный перерыв в работе поэта над нею, объясняемый, как можно предположить, глубоким душевным кризисом, вызванным декабрьским восстанием, арестами друзей и следствием над участниками движения. В этих условиях дальнейшая работа над пятой главой, озаглавленной в плане «Именины», явно не шла, ибо не соответствовала душевному настрою Пушкина. Завершенные вчерне строфы о сне Татьяны, ее мрачных предчувствиях при пробуждении («Но сон зловещий ей сулит//Печальных много приключений») и о предсказанной в этом сне гибели Ленского от руки Онегина давали весь необходимый материал для работы над шестой главой.

Сохранившиеся рукописные источники текста шестой главы: три строфы ее черновой редакции (XLIII, XLIV, XLV в тетради № 836), наброски к строфе XXXIV, записанные на отдельном листке (ПД, № 155), а также известные нам по копии В. Ф. Одоевского три строфы беловой редакции (XV, XVI и XXXVIII), строфы XXXVI и XXXVII — по факсимиле т. VIII издания 1838 г. и запись в альбоме А. Н. Вульф начального фрагмента XLVI строфы.

Таким образом, отдельное издание главы шестой является единственным полным источником ее текста и в этом отношении представляет собою особую ценность. Вместе

с тем сохранившиеся рукописные фрагменты шестой главы дают некоторое представление о ее творческой истории. Необходимо рассмотреть их в контексте всей главы.

Три строфы белого автографа, дошедшие до нас в копии Одоевского, — это «пропущенные строфы», которые, как скажет об этом Пушкин в предисловии к главе восьмой, «подавали неоднократно повод к порицанию и насмешкам» (VI, 642), а также к нескромным догадкам, что заставило автора напомнить читателю, что пропуски подобного рода (не только строф, но и целой главы романа «Путешествия Онегина») сделаны «по причинам, важным для него, а не для публики» (VI, 197). Из шестой главы оказались выпущенными строфы XV и XVI, содержащие воспоминания о пережитом поэтом глубоком и мучительном чувстве к Амалии Ризнич. В печатном тексте романа после XIV строфы следует «объединенная» XV, XVI и XVII строфа. Заметим попутно, что это отступление в полной мере объясняет появление портретов А. Ризнич на страницах «Евгения Онегина» (см.: например, рисунки на л. 42 тетради № 836, под черновым текстом XXVI строфы пятой главы («С своей супругою дородной»). Пропуск строф по соображениям этического и цензурного свойства с сохранением их порядкового номера — характерная особенность онегинского текста¹. Только в копии Одоевского известна и XXXVIII строфа шестой главы («Исполня жизнь свою отравой»), развивающая мысль поэта о возможной судьбе Ленского, также опущенная в печатном издании главы, но, как и в первом случае, сохранившая свой порядковый номер:

Он совершить мог грозный путь,
Дабы последний раз дохнуть
В виду торжественных трофеев,
Как наш Кутузов иль Нельсон,
Иль в ссылке, как Наполеон,
Иль быть повешен, как Рылеев.

Последний вариант, не исключаящий для Ленского удела, выпавшего на долю декабристов, — очень точное

¹ По тем же причинам из пятой главы были выпущены XXXVII и XXXVIII строфы (см. их текст: ПД, № 836, л. 38 и 37 об.), содержащие шутливое сравнение Татьяны с Еленой Прекрасной из «Илиады» Гомера (Омира). Характерно, что в окончательном тексте за этими строфами следует лирическое отступление, объясняющее читателю появление в тексте романа внесюжетных вставок и содержащее шутливое отречение «от отступлений». Подробнее об этом см.: Гофман М. Л. Пропущенные строфы «Евгения Онегина» // Пушкин и его современники. Пг., 1922. Вып. 33—35. С. 1—344.

историческое свидетельство, позволяющее приурочить работу над окончанием шестой главы романа к концу июля—августу 1826 г., т. е. ко времени после получения в Михайловском Пушкиным известия о казни вождей декабризма на кронверке Петропавловской крепости в Петербурге. «24 июля (1826 г.),— отмечает поэт на листке с автографом стихотворения на смерть Амалии Ризнич,— услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Бестужева, Муравьева, Каховского». Следовательно, хронология шестой главы определяется временем после января 1826 г. и до отъезда поэта из михайловской ссылки 3 сентября 1826 г. Во время этой работы мысль Пушкина обращалась не только к декабристам, но и к судьбам других его современников. Так, еще одна пропущенная строфа (следующая за строфой XXXIV в черновой редакции шестой главы), как справедливо полагает Ю. М. Лотман, «утверждает приоритет человеческого над историческим»¹. Примером служит не только Кесарь (Цезарь), отвернувшийся от убийцы своего противника, но и потерявший единственного сына на поле сражения П. А. Строганов, один из знаменитых военачальников в 1812—1815 гг.:

[Забыл ты] [Славу] <и> сраженье
И предал славе ты чужой
Успех ободренный тобой (VI, 412).

Трагедия Онегина, убившего на поединке друга, осмыслиется в этом широком историческом контексте как общечеловеческая драма. Пропущенная строфа, примыкающая к строфе о Цезаре, разрабатывает эту мысль в разных направлениях и аспектах:

Но плакать и без раны можно
О друге; если был он мил
Нас не дразнил неосторожно
И нашим прихотям служил. (VI, 411)

Ср.:

Без раны плакать впро<чем> трудно
О друге если например
Он досаждал нам безрассудно
Или был скучный суевер — (VI, 412).

В заключительных строфах шестой главы поэт дает описание могилы Ленского, рисуя молодую горожанку, размышляющую над дальнейшими судьбами героев романа после пережитой ими драмы:

И где ж беглец людей и света,
Красавиц модных модный враг,
Где этот пасмурный чудак,

¹ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 307.

Убийца юного поэта?
Со временем отчет я вам
Подробный обо всем отдам (VI, 135).

По-видимому, этим эпизодом, придающим повествованию сюжетную законченность, и завершалась шестая глава в ее редакции 1826 г.

После известных перемен в жизни Пушкина (вызова в Москву, аудиенции у Николая I и последовавшего за нею «прощения») создалась благоприятная ситуация для завершения и пятой главы: эту работу, как указывалось выше, Пушкин продолжает осенью 1826 г. в Москве и заканчивает уже в Михайловском. Таким образом, к концу 1826 г. у Пушкина была не только закончена главная работа над четвертой и пятой главами его романа, но написана шестая глава до заключительных (XLIII—XLVII) ее строф. На них следует остановиться особо.

Сохранившиеся черновые тексты трех заключительных строф этой главы в тетради № 836 датированы Пушкиным 10 августа. Положение этих черновиков в тетради не оставляет никакого сомнения в том, что дата эта имеет в виду не 1826 г., как об этом пишет Томашевский, а вслед за ним и другие исследователи, а 1827 г., ибо строфы эти расположены среди черновиков «Арапа Петра Великого» (начатого в Михайловском в конце июля 1827 г.) и им предшествует «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной», датированный 31 июля 1827 г.

Чем могло быть вызвано новое обращение к шестой главе, которую поэт, по собственному его признанию, написал еще в 1826 г.? Можно предположить, что, отвечая на настоятельные просьбы Плетнева, а также стремясь выполнить взятые на себя обязательства перед читателями, недовольными нерегулярностью появления глав романа в печати, Пушкин летом 1827 г. в Михайловском начал готовить шестую главу для печати. Перечитав текст ее, он был неудовлетворен финалом и «дописал» в рабочей тетради три лирические строфы, посвященные прощанию с молодостью. Необходимость этой работы была связана еще с тем, что у Пушкина к этому времени созрел замысел романа в двух частях (вышедшая из печати шестая глава завершалась ремаркой: «Конец первой части»). Исследователи обычно относят этот замысел к 1828 г., не учитывая того обстоятельства, что сложился он раньше, во время подготовки шестой главы к печати. С Михайловским связана и предпоследняя строфа этой главы («Дай оглянись. Простите ж, сени»), начальное четверостишие которой записано Пушкиным в альбоме А. Н. Вульф (см.: VI, 612). Позднее, возможно уже в 1828 г., Пушкин добавил в шестую главу еще одну строфу (XLVII), характеризующую светское общество («Среди лукавых, малодушных»). Готовя полное издание «Евгения Онегина», Пушкин переработал две по-

следние строфы шестой главы, сократив их до одной. В специальном примечании к последним строкам главы шестой поэт привел полный текст двух заключительных строф отдельного ее издания.

Итак, именно шестая глава подверглась самой большой правке при подготовке полного издания романа, что и следует учитывать, обращаясь к отдельному изданию главы, вышедшей из печати в марте 1828 г.

Такой, в общих чертах, представляется история создания третьей, четвертой, пятой и шестой глав романа «Евгений Онегин», интенсивная работа над которыми велась уже тогда, когда первая глава вышла из печати, а вторая прошла цензуру и в конце октября 1826 г. появилась в московской книжной лавке Ширяева.

Третья глава романа вышла в свет ровно через год, т. е. в середине октября 1827 г., но уже не в Москве, а в Петербурге, и издателем ее снова стал Плетнев. Ее тираж, по всей вероятности, также составлял 1200 экземпляров. «Приостановившаяся вначале продажа книги из-за задержки Соболевским второй главы «Онегина» в Москве в дальнейшем наладилась, и третья глава расходилась хорошо»¹. Нетерпение читателей и упреки критиков вынудили Пушкина пообещать, что «отныне издание будет следовать в беспрерывном порядке: одна глава тотчас за другой», а также намекнуть, что «медлительность», имевшая до сих пор место, «произошла от посторонних обстоятельств».

Это обещание вызвало шумный восторг критиков. «Северная пчела» Булгарина поздравляла «всех любителей изящной поэзии» с выходом «дорогого подарка» и приглашала читателей полюбоваться им: «Сия третья глава конечно уступит двум предшествовавшим в богатстве и разнообразии картин, зато более нравится сердцу и придает занимательность *целому*: в ней описывается любовь Татьяны к Онегину»². Шумные восторги официозной газеты подогревались и тем, что именно третья глава вышла (первые для произведений Пушкина) с грифом «С разрешения правительства». Однако ее появлению в печати предшествовали хлопоты как автора, так и издателя романа. Они были вызваны тем, что после возвращения Пушкина из ссылки его цензором стал сам император, и среди первых же произведений, представленных на высочайшую цензуру, оказалась и очередная, третья, глава «Онегина». 22 августа Бенкендорф сообщал Пушкину, что «государь император изволил прочесть с особенным вниманием» новые произведения поэта. Третью главу романа «Евгений Онегин» Николай I пропустил в печать без каких-либо заме-

¹ Смирнов-Сокольский Н. К. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. С. 159.

² Северная пчела. 1827. № 124. С. 1.

чаний, но типография отказалась ее печатать, поскольку на рукописи главы «не было одобрительной подписи Цензурного Комитета». В связи с этим министр народного просвещения А. С. Шишков обратился к Бенкендорфу. После соответствующей официальной переписки между Шишковым, Плетневым, Фон-Фоком и Бенкендорфом разрешение на такой гриф было получено и начиная с 1827 г. главы романа выходили из печати с этим грифом¹.

Роман постепенно завладевал вниманием авторов критических статей в русских журналах, которыми было сказано немало тонких суждений и смелых догадок. Рецензент «Сына отечества» охарактеризовал третью главу как завязку будущих драматических событий в жизни героев: поэт изобразил в ней «любовь юной Татьяны к Онегину и что-то похожее на сие чувство, только неясное и неопределенное в самом Онегине»². «Московский телеграф» сообщил о ее выходе как о последней литературной новинке, душу и сущность которой составляет Татьяна, девушка, одаренная необыкновенною, сильною душою; девушка, у которой «всю историю составляет любовь». Критика ожидала от поэта подробнейшего рассказа о взаимоотношениях героев: «...всех глав, как говорят литературные лазутчики, двадцать слишком. Какой обширный разгул поэту и сколько наслаждений ожидает читателя!»³. «Где, когда и как, — воскликнул восторженный князь П. Шаликов, — Пушкин мог приобрести такое опытное познание сердца человеческого? где, когда и как мог он научиться языку страстей во всяком положении? где, когда и как нашел он ключ к сокровеннейшим чувствам и помыслам? Кто ему дал искусство — одним очерком ясно представить характеры с их отдаленным развитием и происшествия с предбудущими последствиями?»⁴.

Критика проявила редкое единодушие в оценке третьей главы, не вызвавшей ни одного отрицательного отзыва и встретившей самый теплый прием у читателей. 1827 год — это своего рода вершина успеха романа, не только сугубо литературного, но и коммерческого. «Не отставай от работы своего романа, — писал поэту 27 августа Плетнев. — Это вернейший капитал, который у тебя перед глазами» (XIII, 337).

22 сентября он снова писал Пушкину: «Ни что так легко не даст денег, как Онегин, выходящий по частям, но регулярно через два или три месяца <...> Он, по милости

¹ Подробнее об этом см.: Смирнов-Сокольский Н. К. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. С. 159—162.

² *Сын отечества*. 1827. Ч. 115. № 19. С. 308.

³ *Московский телеграф*. 1827. Ч. 17. № 19. С. 221, 220.

⁴ *Дамский журнал*. 1827. Ч. 20. № 21. С. 116.

божией, весь написан. Только перебелить, да и пустить» (XIII, 344). В точности слов Плетнева, что роман, «по божией милости, весь написан», сомневаться не приходится, ибо они восходят к разговорам с самим Пушкиным по приезду его в Петербург (в конце мая—июле 1827 г.) о состоянии его работы над романом. Тогда Пушкин всерьез намеревался быстро закончить свой роман. Напомним, что к этому времени им было написано шесть глав романа, из которых пятая и шестая главы были завершены еще осенью 1826 г. Существенные изменения в самом замысле романа произошли уже в Михайловском в конце лета — начале осени 1827 г. Они выразились не только в намерении продолжать роман дальше, но и в значительном расширении его сюжетно-временных рамок¹. Находившийся все это время в Петербурге Плетнев еще ничего не знает об изменениях в творческих планах автора «Онегина», и поэтому он торопит его: «В последний раз умаливаю тебя переписать 4-ю главу Онегина, а буде разохотишься и 5-ю, чтобы не с тонийкою тетрадкою итти к Цензору» (XIII, 345). Под последним Плетнев понимает Николая I. «Мне странно, — иронически замечает издатель романа, — что ты леность свою стараешься прикрыть благовидными причинами. «Не хочешь беспокоить часто Цензора». Это в сущности-то значит: лень приняться за поправку и переписку» (XIII, 344). Между тем отношения Пушкина с «высочайшим цензором» складывались далеко не так гладко, как это кажется Плетневу, и «медлительность» поэта отчасти объяснялась необходимостью в числе прочего иметь в виду и своего августейшего читателя, что, кстати сказать, в значительной мере объясняет отказ Пушкина от декабристской линии в развитии замысла романа. Однако приведенные в письмах Плетнева к Пушкину лета — осени 1827 г. «резоны» были все-таки убедительными, и они сыграли свою роль в дальнейшей судьбе написанных уже глав романа. Уговоры и просьбы Плетнева ускорили передачу ему Пушкиным не только четвертой и пятой глав романа, которые, принимая совет друга, поэт решил издать в одной книжке, но и шестой главы, последние строфы которой, как указывалось выше, были дописаны в Михайловском (и, видимо, в Петербурге, по возвращении оттуда).

Плетнев полагал, что цена вдвоенных — четвертой и пятой — глав «Онегина» будет более дешевой, нежели издания отдельных глав, однако, учитывая, что Пушкин сильно терял в тираже (ибо он не был удвоен, а определен обычным для всего издания за исключением первой главы числом в 1200 экземпляров), цена на книгу была назначена 10 рублей за экземпляр. Книжка «Евгений Онегин, глава

¹ См.: Дьяконов И. М. Об истории замысла «Евгения Онегина». С. 70—106.

четвертая и пятая» вышла из печати в самом конце января 1828 г. Но уже в конце марта читатели смогли приобрести и следующую, шестую, главу романа. Появление новых глав «Евгения Онегина» в печати вызвало бурную реакцию со стороны читателей, нетерпеливо ожидавших продолжения романа, и не менее бурные споры в среде критиков.

После ознакомления с этими главами мнения о них разделились. «Северная пчела» продолжала восхищаться высоким искусством Пушкина, не заметив и в новых главах романа «ни капли излишества», никаких отступлений «от вкуса и поэтически возможного». Особенно высоко оценивалась пятая глава, в которой «очень много движения и жизни, и под конец, после всех странных и смешных явлений, сердце замирает в каком-то грустном ожидании от следствий ревности, умышленно пробужденной Онегиным в безхитростной, чистой душе Ленского»¹. Главы четвертая и пятая романа вышли из печати с посвящением Плетневу, в котором, по мнению критика, «поэт сам прекрасно, хотя и слишком скромно, начертал характеристику своего романа. Это, по словам Пушкина,

Небрежный плод его забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
*Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет*».

Рецензент «Сына отечества», уловив особую жанровую природу романа, с восхищением писал о лирическом начале в нем: «И как искусно поэт меняет наши наслаждения! Он попеременно играет то умом, то чувством, то воображением, попеременно весел и задумчив, легкомыслен и глубок, насмешлив и чувствителен, едок и добродушен — он не дает дремать ни одной из душевных наших способностей и, не занимая каждой из них надолго, ни одной не утомляет»². Критика постепенно подходила к пониманию особой специфики пушкинского романа как романа «поэтического», т. е. «романа в стихах» согласно собственной характеристике автора, но оказывалась совершенно не готовой оценить широту охвата в «Евгении Онегине» русской жизни, видя в нем лишь «только раму для картины обширнейшей». «В ней, как видно, намерен он с легкими очерками изобразить свет (принимая сие слово в смысле общества человеческого) с его совершенствами и недостатками нравственными, но чтобы придать картине более правдоподобия, он хочет оживить ее красками, свойственными месту и времени. Вот наше мнение или, справедливее, догадка на счет поэтического романа, сочиняемого Пушкиным». Об-

¹ Северная пчела. 1828. № 15. С. 1—2.

² Сын отечества. 1828. Ч. 118. № 7. С. 247.

ширнейшей рецензией разразился «Московский вестник» (автором ее, по-видимому, был сам издатель журнала М. П. Погодин). Ей была придана форма читательских споров о романе (или, как определил один из критиков, форма «светских афоризмов»)¹. Общая оценка романа, проступающая через разноголосицу приведенных в рецензии мнений, скорее положительная, нежели критическая, так как отрицательные суждения тут же уравниваются отзывами одобрительными.

На выход из печати четвертой и пятой глав романа отозвался и «Атеней», на страницах которого заявила о себе консервативно настроенная критика, не принявшая романа в целом и последовательно и педантично осудившая весь комплекс художественных новаций «романа в стихах». Автором рецензии был М. А. Дмитриев, «классик» по своим литературным взглядам, племянник известного поэта И. И. Дмитриева, лишенный его талантов и прозванный современниками «Лже-Дмитриевым». Резким по форме критическим замечанием в адрес автора «Евгения Онегина» предшествовало «теоретическое» введение М. А. Дмитриева, разъясняющее принципы подхода к оценке литературного произведения в целом. «Прошло, кажется, счастливое время, — пытается идти в ногу со своим временем рецензент, — когда критик, рассматривая какое-нибудь стихотворение, развертывал благоговейно курс пиитики, отыскивая род и вид, к которому сочинение по названию принадлежало, сличал правила с произведением и, по количеству точек соприкосновения, произносил приговор свой». Далее в полной мере обнаруживаются исходные позиции М. А. Дмитриева. Он пишет: «В наш век работа критика сделалась труднее: он часто имеет дело с таким сочинением, о котором ни автор не может дать отчета, почему оно так написано, ни читатель — объяснить себе, почему оно ему нравится. Название *романтическое* выручает стихотворение от всех притязаний здравого смысла и законных требований вкуса»². Пушкинский роман, следовательно, прямо зачисляется в романтические произведения и оценивается с точки зрения «здравого смысла» (т. е. строго рационалистически) и «законных требований вкуса» (иными словами говоря, согласно сложившейся в литературе этих лет художественной практике). Возмущение рецензента вызывает в пушкинском романе все, начиная с героев и их поступков, несообразных, по его мнению, со «здравым смыслом», и заканчивая «слогом» романа, который разбирается буквально по косточкам. Эпите-

¹ Некоторые из этих афоризмов приведены нами в первом разделе послесловия.

² Атеней. 1828. Ч. 1. № 4. С. 76.

тами «ветренный», «легкомысленный» награждаются не только Онегин и Ольга Ларина, но и Татьяна. Приговор над ними автора рецензии звучит категорически: «Нет характеров: нет и действия. Легкомысленная только любовь Татьяны оживляет оное». Рецензент дает целый список примеров неправильного, с его точки зрения, словоупотребления, что свидетельствовало о полном непонимании им особенностей языка стихотворного, с его образно-метафорическим строем, и его отличий от языка прозаического, основанного на выявлении в слове прежде всего предметного его значения. В сущности, вся рецензия состояла из одних придирок к образным выражениям пушкинского романа. В этой связи Вяземский заметил в письме к И. И. Дмитриеву от 24 марта 1828 г.: «Критика Атенея на Пушкина во многом ребячески забавна. Критик не позволяет сказать: бокал кипит, безумное страданье, сиянье розовых снегов. После этого должно отказаться от всякой поэтической вольности в слоге и держаться одной голословной и буквальной положительности». Вяземский возмутился: «Да можно ли Пушкина школить как ученика в гимназии?»¹. «Атенею» ответил «Московский вестник»: «Читал ли г. Критик, занимаясь старыми своими грамматиками, прочие стихотворения Пушкина? заметил ли он, что у Пушкина особое достоинство — верность и точность выражения, и это достоинство принадлежит ему предпочтительно пред всеми нашими поэтами? Пушкин, следовательно, мог, если бы захотел, избежать тех ошибок, в которых его упрекают (впрочем, из замеченного только $\frac{1}{10}$ справедливо), но у него именно, кажется, было целию оставить на этом произведении печать совершенной свободы и непринужденности»². Последнее в особенности раздражало автора из «Атенея», обвинившего Пушкина в «говорливости», в повторениях, возвращениях к одному и тому же предмету и т. п. Дмитриев договорился до того, что объявил лишними все лирические отступления романа (т. е. не понял самой сути повествовательной манеры автора романа): «Отымите несколько строф подобного содержания: стихотворение столь же мало потеряло в содержании, как и мало выиграло бы, если бы автор потрудился покороче познакомить нас с подробностями жития своего»³.

Это положение рецензии оспаривается в «Московском вестнике», проявившем незаурядную чуткость к художественному строю пушкинского романа: «Он (Пушкин. — Р. И.) рассказывает нам роман *первыми* словами, которые срываются у него с языка, и в этом отношении Онегин есть феномен в истории русского языка и стихосложе-

¹ Русский архив. 1866. С. 1716.

² Московский вестник. 1828. Ч. 8. № 5. С. 120.

³ Атенея. 1828. Ч. 1. № 4. С. 79—80.

ния»¹. Как видим, художественное своеобразие пушкинского романа наиболее передовой частью русской критики было оценено и понято, тогда как статья новоиспеченного литературного старовера встретила резкое возражение. За Пушкина вступился и другой близкий ему писатель — В. Ф. Одоевский. «Что за пакость во 2-й книжке «Атенея»! Как не стыдно Павлову!»², — писал Одоевский о редакторе журнала. О той реакции, которую вызвала критика «Атенея» у автора романа, рассказывает в своих мемуарах Кс. Полевой: «Он (Пушкин.— *Р. И.*) сказал мне, что даже написал возражение на эту критику, но не решился напечатать свое возражение и бросил его. Однако он отыскал клочки синей бумаги, на которой оно было написано, и прочел мне кое-что. Это было собственно не возражение, а насмешливое и очень остроумное согласие с глупыми замечаниями его рецензента, которого обличал он в противоречии и невежестве, по-видимому соглашаясь с ним»³. В «Опровержении на критики» (1830) Пушкин действительно писал следующее: «Первые неприязненные статьи, помнится, стали появляться по напечатании четвертой и пятой песни Евг(ения) Онегина. Разбор сих глав напечатанный в Атенею удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностию привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика: можно ли сказать *стакан шипит*, вместо *вино шипит в стакане? камин дышит*, вместо *пар идет из камина? Не слишком ли смело ревнивое подозрение? неверный лед?* Как думаете, что бы такое значило: *мальчишки*

Коньками звучно режут лед?

Критик догадывается, однако, что это значит: мальчишки бегают по льду на коньках» (XI, 145—146). Мелочная и придирчивая критика «Атенея» явилась своего рода первыми раскатами будущей критической бури, разразившейся в русских журналах после выхода из печати в 1830 г. седьмой главы романа. Не исключено, что пародийное ее окончание:

*Пою приятеля младого
И множество его причуд.
Благослови мой долгий труд,
О ты, эпическая муза!
И верный посох мне вручив,
Не дай блуждать мне вкось и вкрив* (VI, 163),—

¹ Московский вестник. 1828. Ч. 8. № 5. С. 120—121. (Автор рецензии С. П. Шевырев).

² Пушкин А. С. Письма/Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 279.

³ Полевой Кс. Записки. СПб., 1888. С. 273—274.

явилось иронической репликой автора на критические выпады рецензентов его романа, судивших о нем с устаревших эстетических позиций. Вступление к роману, демонстративно помещенное в конце седьмой главы, метило не столько в классицизм, не представлявший собою серьезного литературного противника, сколько в тех, кто подходил к роману с отсталыми мерками и критериями. Элементы литературной полемики органически включались в структуру романа, пробивающего свой путь к читателю сквозь толщу догматических представлений о самом характере литературного творчества.

Очень непростой оказалась и судьба седьмой главы, над которой Пушкин работал около двух лет. Исследователи по-разному датируют начало работы над нею. По мнению И. М. Дьяконова, она была «задумана еще в ноябре 1826 г., но по-настоящему начата в феврале 1827 г., в эпоху надежд после разговора с государем и «Стансов»¹. В ноябре, однако, Пушкин не был еще готов к написанию седьмой главы: в письме к Вяземскому от 1 декабря 1826 г. он прямо пишет об этом. В рукописях романа (до нас дошедших) нет следов работы над новой главой и в феврале 1827 г. Еще более спорной представляется дата 18 марта, которую определяют в качестве начальной Н. Л. Бродский² и Ю. М. Лотман³ в комментариях к роману. С другой стороны, Б. В. Томашевский в большом академическом собрании сочинений Пушкина датирует начало этой работы августом — сентябрем 1827 г. (см.: VI, 661). Поэтому необходимо заново проследить ход процесса формирования текста главы седьмой по рукописным и печатным источникам.

Первые сведения о публикации фрагментов главы находим в мартовском номере «Московского вестника» за 1827 г., где появились «одесские» строфы романа с подзаголовком «Из седьмой главы «Евгения Онегина». Однако написаны эти строфы были значительно раньше и первоначально предназначались для четвертой главы (на что указывалось выше). В начале 1827 г. Пушкин перебелил их по тетради № 835 и тогда же отдал в печать.

¹ Дьяконов И. М. Об истории замысла «Евгения Онегина». С. 93. Трудно согласиться с отнесением седьмой главы, одной из самых трагических в романе «Евгений Онегин», к эпохе надежд, возбужденных у поэта разговором с Николаем I. Скорее, наоборот, глава создавалась в атмосфере глубокого внутреннего кризиса, которым ознаменовался для Пушкина первый год после казни вождей декабризма и расправы Николая I с участниками восстания.

² См.: Бродский Н. Л. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина. М., 1964. С. 14.

³ См.: Лотман Ю. М. Указ соч. С. 17.

«Одесские» строфы в составе седьмой главы (так же как и в составе четвертой) — явление временное, промежуточное, свидетельствующее о том, что замысел главы окончательно еще не оформился. Они отражают одну из ранних стадий его развития. С. А. Фомичев справедливо, на наш взгляд, связывает их включение в состав седьмой главы с реализацией этого замысла. «Намечая дальнейший план романа (уже после того как были написаны пятая и шестая глава), — пишет он, — Пушкин использует, вероятно, более ранний замысел: «... дорога — Москва — Генерал — Одесса»¹. Фактически же работа над седьмой главой началась весной 1827 г., уже после выхода из печати «одесских» строф. В тетради № 836 на л. 19 об. Пушкин делает набросок «Весна, весна, пора любви», датированный апрелем — первой половиной мая 1827 г.²

Набросок этот, не ставший еще самостоятельной строфой «Онегина», является, однако, первым подступом к седьмой главе, открывающейся, как известно, большим лирическим отступлением о весне и о тех необычных размышлениях и чувствах, которые пробуждает в поэте обновляющаяся природа. Он не в силах отрешиться от тяжелых кошмаров ночного зимнего одиночества:

Отдайте мне метель и вьюгу
И зимний долгой мрак ночей. (III, 62)

Картины ликующей весенней природы лишь оттеняют и усиливают его угнетенное душевное состояние. Существующее как черновой набросок, это стихотворение было использовано для начальных строф седьмой главы, написанных, как это убедительно показывает в своей статье «Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД, № 838)» В. Б. Сандомирская, видимо, еще в мае 1827 г.³ Однако к систематической работе над седьмой главой Пушкин приступит позднее и в другой тетради, а именно в тетради № 836, в которой достаточно полно отразился первый этап творческой истории этой главы.

Не случайно эту работу поэт начнет в Михайловском, где ровно за год перед этим была закончена шестая глава. Готовя ее для печати, как указывалось выше, Пушкин дописал новую концовку главы, пометив ее 10 августа. Но работа над седьмой главой была начата несколько ранее,

¹ Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина № 835. С. 43. См. также: XVII, 47.

² См.: Иезуитова Р. В. К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 106.

³ См.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 241. «По-видимому, — замечает автор статьи, — I и начало II строфы переписаны с черновика набело».

на л. 20, так как первый набросок строфы VI (описание могилы Ленского) находится под черновым автографом «Акафиста Екатерине Николаевне Карамзиной», датированным 31 июля 1827 г. Появление набросков к этой строфе, сюжетно связанных со строфами XL и XLI шестой главы (в сущности, варьирующих намеченные в них мотивы), объясняется не только необходимостью продолжить прерванное повествование, но и желанием обозначить связь с предшествующей главой. Сближение это было замечено рецензентами романа, упрекавшими автора в ненужных, повторениях: «В некоторых местах седьмой главы Онегина он даже повторяет сам себя. Укажем, для примера, на описание зимы, на изменчивость чувствований, на памятник Ленскому, под которым даже и *лапоты* плетет, может быть, тот же мужик, который играл роль в 6-й главе»¹. «Изменчивость чувств», к которой настойчиво возвращается поэт и в шестой, и в седьмой главе, — важнейший лирический мотив, сопровождающий рассказ о переменах в жизни героев после смерти Ленского. Он подготавливает фабульное развитие седьмой главы. Важность его очевидна, как и то внимание, которое уделяет поэт работе над строфами VI и VII, содержащими описание могилы Ленского. Любопытно отметить, что новая деталь этого описания — увядший веночек на ветвях «сосен устарелых» над могилой Ленского — подсказана текстом «Акафиста», где имеются строчки о «простом увядшем венце». В набросках к VI строфе, а в тетради № 836 их несколько, читаем:

ветерок
Колеблет иногда веночек
Под тенью сосен устарелых
И камень говорит: (VI, 417).

Значительность этих поэтических образов, в которых находит свое выражение важнейшая для седьмой главы тема забвения, усиливается множеством рисунков, в которых Пушкин пытался воспроизвести общую картину тех мест, где был похоронен Ленский. Первые наброски листьев и кустов, обрамляющих с двух сторон русло реки или ручейка, сделаны на том же л. 20, где находится и приведенный нами поэтический текст. Рисунки эти, сопровождающая всю работу над трудно дававшейся Пушкину строфой (рисунки поэта чаще всего заполняли паузу в работе над сложными фрагментами поэтического текста), повторяются, варьируются, складываются в живописный пейзажный рисунок. Отдельные детали тщательно отрабатываются на следующих за этим наброском л. 21 об.—22, складываясь в большую композицию кустов и деревьев, обрам-

¹ Московский телеграф. 1830. Ч. 32. С. 240.

ляющих расположенное в низине пространство. На л. 26 к ним добавляется новая деталь — скала, большой камень-валун. На развороте следующих л. 26 об. и 27 рисунок этот обретает завершенность. Он выполнен карандашом с прорисовкой чернилами растущих на скале или возвышенности кустов. Здесь изображены новые реалии — полуповаленный плетень, а также могильный камень в правой части рисунка (слегка обозначенный, но все же заметный). И общая композиция рисунка и отдельные его детали находят соответствие в описании могилы Ленского в набросках седьмой главы, что позволяет идентифицировать пушкинские рисунки с поэтическим текстом.

Хотя в последнее время в нашей печати было высказано мнение, что рисунок этот является документально точной зарисовкой места захоронения повешенных декабристов на острове Гоноропуло в Петербурге¹, изучение контекста, в котором рисунки появляются в тетради № 836, убеждает, что Пушкин ищет в них зрительного аналога создаваемому поэтическому тексту. Второй набросок строфы VI занимает в тетради № 836 л. 36 и 37, где он складывается в связный текст:

Кругом его цветет шиповник
Минутный вестник теплых дней
И вьется плющ, могил любовник;
Гремит и свищет соловей —
В тиши пустыни онемелой
И говорят, над урной белой
Поутру свежий ветерок
Колелет иногда венок
На ветвях сосен устарел<ых>
На урне надпись говорит: (VI, 417—418).

Написанные в Михайловском в августе — сентябре 1827 г. фрагменты седьмой главы обнаруживают, с одной стороны, как мы могли убедиться на примере описания могилы Ленского, прямую сюжетную связь с последними строфами главы шестой, но вместе с тем они в достаточной мере последовательно отражают пункты приведенного выше плана. На л. 21 об. и 22 находятся черновые редакции строф XXXVI и XXXVII—XXXVIII седьмой главы (строфа XXXVIII отрабатывается и на л. 26), рисующие въезд Лариных в Москву, первые впечатления Татьяны от столицы, а также содержащие лирическое отступление о Москве в 1812 г.

Работа идет почти в точном соответствии с сюжетным развитием романа, намеченным в плане «Цыганка — Зима — дорога — Москва — Генерал — Одесса».

¹ См.: Чернов А. «Стремлюсь привычную мечтою...» // Огонек. 1987. № 23. С. 14—16.

На л. 29 написана новая «одесская» строфа (см.: VI, 491) — в дополнение к прежним, уже опубликованным в «Московском вестнике», и в развитие последнего пункта плана, что, несомненно, было связано с намерением Пушкина привести своего героя в Одессу, где он должен был встретиться с автором. Строфа эта единична: она, видимо, имела особое целевое назначение, и, как мы полагаем, должна была послужить переходом к уже написанным «одесским» строфам.

Следующая группа набросков на л. 29 об., 30 об., 31—31 об., 34 подробно разрабатывает тему «Татьяна в Москве», т. е. развивает сюжетную линию романа, обозначенную в плане пунктом «Москва», доводя ее до финала (пункт «Генерал»). Таким образом, фабульное развитие главы было в общих чертах исчерпано, первая стадия в работе над нею была завершена, и Пушкин на несколько месяцев оставляет работу над нею.

Вторым этапом творческой истории седьмой главы явилась работа над созданием сплошного текста (т. е. черновой ее редакции). Она велась уже в другой тетради — № 838, детально обследованной В. Б. Сандомирской, что избавляет нас от необходимости подробно ее касаться. Исследовательница показала, что начальные двадцать строк седьмой главы, кроме I и четырех стихов II, были написаны в феврале 1828 г. Тогда же Пушкин включает в роман эпизод, не вошедший в печатную редакцию «Евгения Онегина», но чрезвычайно важный для понимания эволюции главного героя. Речь идет о так называемом «Альбоме Онегина». Комментируя этот эпизод, автор наиболее обстоятельной статьи об «Альбоме» Н. Я. Соловей пишет: «Среди книг Онегина Татьяна неожиданно нашла его дневник, черновой текст которого Пушкин создал тогда же, вслед за XIII—XXI строфами о Татьяне»¹. Черновая редакция «Альбома» дошла до нас в составе рабочей тетради Пушкина 1828—1833 гг. (№ 838), где она занимает л. 8 об.—11.

В. Б. Сандомирская в статье, посвященной истории заполнения тетради № 838, отмечает, что работа над седьмой главой в этой тетради производилась в несколько приемов. Первая группа записей (строфы II—XIII) — «единая по направлению в тетради и наклону почерка сделана в близкое время и датирована Пушкиным» (имеется в виду помета над XII строфой, л. 6 — 19 февраля 1828 г.). Затем последовала остановка в работе: были пропущены несколько листов (позднее на них карандашом будут записаны строфы XIV—XXI этой же главы), и, видимо,

¹ Соловей Н. Я. Из истории работы Пушкина над сюжетом «Евгения Онегина»: (Альбом Онегина)//Замысел, труд, воплощение. М., 1977. С. 103.

тогда Пушкин начал создавать черновик «Альбома», записи которого сделаны также чернилами. Это позволяет предположить, что работа над «Альбомом» предшествовала созданию строф XIV—XXI и началась вскоре после 19 февраля, и только после написания «Альбома» Пушкин вернулся к продолжению работы над второй группой записей (строфы XIV—XXI), заполнив карандашными набросками оставленные чистыми листы¹. В комментариях Н. Л. Бродского к «Евгению Онегину» указывается, что «Альбом Онегина» (черновая редакция) создавался 5 августа 1828 г. (на основании неясно читаемой пометы в его черновиках)². Дата эта, однако, неверна. В работах Н. Я. Соловья, В. Б. Сандомирской, в комментариях Ю. М. Лотмана начало работы над «Альбомом» отнесено к февралю 1828 г. Осенью этого же года, находясь в Малинниках, Пушкин перебелил и доработал этот черновик, создав новую, беловую, редакцию «Альбома» (ПД, № 840, л. 3—7 об.), которая может быть датирована временем между 27 октября—4 ноября 1828 г., когда седьмая глава была закончена и Пушкин принял решение не включать в нее «Альбом Онегина». Определяя причины, заставившие Пушкина отказаться от включения этого художественного фрагмента в текст романа, исследователи предлагают немало остроумных объяснений, догадок и смелых гипотез, однако назначение и характер «Альбома», его место в общей структуре романа в стихах не выяснены в полной мере и до сих пор вызывают споры и дискуссии.

«Альбом Онегина»,— указывает Н. Я. Соловей,— вместе с характеристикой «современного человека», став средоточием раздумий автора о взаимоотношениях героя и общества уже в последекабрьский период, как бы превратился в предварительный набросок для себя развивающегося характера Онегина»³. Диаметрально противоположную оценку «Альбому» дает И. М. Дьяконов: «В помощь карандашным маргиналиям Татьяне в первых вариантах 7-й главы дается «Альбом Онегина». Большинство записей в нем по-светски тривиальны. Серьезна только одна запись: «Меня не любят и клеветуют»⁴. Является ли «Альбом Онегина» «средоточием раздумий автора» над проблемами русской жизни последекабрьских лет или же собранием легковесных суждений выразителя три-

¹ См.: Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД, № 838): История заполнения//Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 239.

² См.: Бродский Н. Л. Указ соч. С. 14.

³ Соловей Н. Я. Указ соч. С. 113.

⁴ Дьяконов И. М. Об истории замысла «Евгения Онегина». С. 94.

виальных светских мнений? Следует еще и еще раз задуматься над тем, что же такое, в сущности, нашла Татьяна в кабинете Онегина.

Давая этому документу необычное название, Пушкин, разумеется, не имел в виду прямое назначение «альбома» — быть собранием весьма разнородных записей, принадлежащих или адресованных его владельцу. Характерно, что в «Альбоме Онегина» нет ни одной чужой записи, все они сделаны Онегиным и носят оригинальный характер. Пушкин называет его также «дневником» и «журналом»¹. Такое смешение терминов можно объяснить только тем, что «Альбом Онегина» не является чем-то одним исключительно, а как бы совмещает в себе несколько различных функций: функцию дневника героя, хотя записи в нем не укладываются в рамки одного дневникового жанра, но еще в большей степени — функцию своеобразной «записной книжки» героя, наделенного даром острой наблюдательности. Описание «Альбома Онегина» Пушкин дает в XXIа строфе черновой рукописи седьмой главы (строфа содержит следы весьма тщательной авторской работы):

В сафьяне <?> по краям закован
Сомкнут серебряным замком
Он был исписан, изрисован
Рукой Онегина кругом
Среди бессвязного маранья
Мелькали мысли, примечанья
[Портреты] буквы, имена
[И чисел] [тайных] [письмена]
Отрывки письма черновые
И словом искренний журнал
В котором сердце изливал
Онегин в дни свои младые
Дневник мечтаний и проказ
Незанимательных для вас. (VI, 430—431)

Было бы ошибочным видеть в этой строфе лишь описание внешнего вида альбома: в ней идет речь о его «целеном» назначении, но одновременно здесь содержится и как бы данная в свернутом виде предварительная программа демонстрируемых далее записей и набросков.

В первой главе романа поэт наделяет своего героя «озлобленным умом», не раскрывая, однако, в чем это проявляется, он пишет о его эпиграммах, которые возбуждают «улыбки дам». В «Альбоме Онегина» приведены некоторые образцы эпиграмматического мастерства героя:

¹ «Словарь языка Пушкина» определяет «журнал» «как тетрадь с ежедневной записью чего-нибудь». (Словарь языка Пушкина. М., 1956. Т. 1. С. 804).

Я не люблю княжны S. L.
[Ее невольное кокетство —]
Она взяла себе за [цель]
Короче было б взять за средство. (VI, 432)

Или перенесенная (с небольшой доработкой) в беловую редакцию эпиграмма еще на одну из «законодательниц» большого света:

Боятся все княжны R-овой
Сказала мне вечор В. К.
Да возразил Е. К. суровый
Боюся я княжны R-овой
Как вы боитесь паука — (VI, 432)

Онегин уже в первой главе романа обнаруживает несомненные литературные способности, о которых автор повествует в шутливо-иронической манере:

Онегин дома заперся,
Зевая, за перо взялся,
Хотел писать — но труд упорный
Ему был тошен; ничего
Не вышло из пера его. (VI, 22—23)

Подобное отношение к труду не позволяет заподозрить в герое «серьезного» автора. Хотя «Альбом» также не дает примеров чего-то законченного, укладываемого в привычные литературные формы, в альбомных записях Онегина представлены некоторые образцы его литературного творчества — мгновенные словесные портреты, острые сатирические зарисовки, шаржи и даже карикатуры, с другой стороны, в записях присутствует и стихия лиризма. В философски окрашенных лирических пассажах «Альбома» сближение автора и героя наиболее ощутимо. «Альбом Онегина» содержит своего рода конспекты будущих лирических отступлений. Примером может служить разговор поэта с воображаемым читателем в главе восьмой романа (строфа IX, вобравшая в себя не только мысли и характеристики записи 1 «Альбома», но и записи 11).

Значительный интерес представляют суждения героя о русском языке в записи 7 «Альбома» («Сокровища родного слова»); она почти полностью повторяет XXXI строфу беловой редакции главы третьей (см.: VI, 583) и, что, пожалуй, самое важное, позволяет понять контекст, в котором возникли эти авторские размышления, «переданные» затем Онегину. В этой главе речь идет о письме Татьяны к Онегину (написанном, как подчеркивает поэт, по-французски и только переведенном на русский язык). Это обстоятельство побуждает автора к подробному разъяснению своей позиции в вопросе о состоянии русского литературного языка. Поэт констатирует его неразработанность, хотя и отдает должное самим заключенным в

нем возможностям. В окончательный текст главы третьей это отступление не вошло, но в составе «Альбома Онегина» оно стало характеристикой героя, серьезно размышляющего над широким кругом вопросов, весьма далеких от привычных тем светского общения.

В «Альбоме» есть еще одна строфа, отсутствующая в черновой редакции, но включенная в беловик, условно обозначенная (— — — я вас люблю etc). Запись эта поразному комментировалась пушкинистами, но наиболее убедительным представляется нам указание Б. В. Томашевского на строфу XXVII белой редакции третьей главы, также не вошедшую в окончательный текст романа (см.: VI, 617), но перенесенную в «Альбом»:

Но вы, кокетки записные,
Я вас люблю — хоть это грех¹.

Этот фрагмент относится к той части третьей главы, где речь идет о бездушных светских кокетках, которым противопоставлена Татьяна с ее искренностью и открытостью в проявлении своего чувства; в составе же «Альбома Онегина» иронический «гимн» кокеткам «передан» герою, который, таким образом, становится выразителем мыслей и настроений самого автора, невольно сближаясь с ним. Стремясь наделить своего героя не только «озлобленным», но и глубоким умом, возвышенной душой, пылким и благородным характером, Пушкин самой логикой творческого процесса сам невольно становился его прототипом, а это вступало в резкое противоречие с главным принципом романа, принципом типизации, ибо герои романа — не портреты тех или иных живых лиц, а реалистические художественные типы. Что же касается главного героя, то Пушкин в особом лирическом отступлении резко «отмежевался» от него:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт. (VI, 28—29)

Возникало еще одно противоречие между сложившимся у читателя по первым главам романа обликом героя

¹ Впервые на это указал еще М. Гофман, однако он неверно обозначил нумерацию строфы — XXIIIа — третьей главы (см.: Гофман М. Л. Пропущенные строфы «Евгения Онегина» // Пушкин и его современники. Пг., 1922. Вып. 33—35. С. 181—182).

и сферой его духовной жизни, очерченной в «Альбоме»: Онегин значительно «моложе» своих мыслей, принадлежащих уже новой исторической эпохе (последекабрьской): так мог думать и чувствовать герой, переживший глубокий духовный кризис. Может быть, в процессе работы над «Альбомом» если не возникла, то, во всяком случае, окрепла мысль о «странствиях» героя, способствующих его духовному возмужанию. Заменить «Альбом» «странствиями» героя — таким представляется дальнейший ход творческой мысли поэта. С другой стороны, отказавшись от замысла продолжить повествование о героях в условиях последекабрьской действительности, Пушкин должен был отказаться и от текста, несущего на себе отчетливый отпечаток именно этого времени. В этом состоит, возможно, одна из главных причин исключения «Альбома Онегина» из окончательного текста романа.

Однако, как справедливо указывают исследователи «Альбома», он явился важнейшей вехой в работе над восьмой (по первоначальному плану девятой) главой романа. Здесь — на новом уровне — Пушкин возвращается к теме «Онегин в кругу высшего петербургского света», материалом для которой служат новые (последекабрьские) впечатления поэта, вернувшегося в светскую среду после семилетнего перерыва. «Альбом Онегина» фиксирует те перемены, которые произошли в его отсутствие. Свет стал еще бездушнее, еще нестерпимее для всего живого и человеческого. Галерея включенных в «Альбом» светских лиц, несомненно, выполнена с натуры, хотя и зашифрована, скрыта за инициалами. Характерно, что от черновой до белой редакции условные обозначения светских персонажей изменяются: княжна S. L., княжна R-ова, Элиза R-ва; суровый господин сначала обозначен инициалами E. K., затем K. и, наконец, следуя традиции, — NN. Одна из светских дам получает прозвище Селимены, восходящее к «Мизантропу» Мольера. За всеми этими персонажами стоят живые, реальные лица: например, старая В. K., переименованная в Элизу K. (чем-то напоминающая Элизу Хитрово). Правда, мы пока не знаем, кого имел в виду поэт, но для его читателей эти лица были легко узнаваемы, нам же на помощь могут прийти записки, письма или свидетельства их современников.

Самая возможность подобного подхода к изучению «Альбома», на наш взгляд, запрограммирована в художественном методе автора «Онегина», ибо, как отмечает Лотман, «стремясь окружить своих героев неким реальным, а не условно-поэтическим пространством, Пушкин вводит их в мир, наполненный лицами, персонально известными ему и читателям»¹.

¹ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 28.

Завершив работу по перебелке «Альбома Онегина» к началу ноября 1828 г., Пушкин не включает его в текст седьмой главы и возвращается к отвергнутому ранее варианту знакомства Татьяны с внутренним миром своего избранника по его книгам. Таким образом, «Альбом» был исключен из романа по соображениям не этического, а чисто художественного, творческого свойства: слишком очевидными и откровенными были его биографические реалии. Однако работа над «Альбомом Онегина» не прошла бесследно: она дала обильный материал и для лирических отступлений романа, и для картин великосветской жизни в восьмой главе, а главное — дала верные ориентиры для создания нового образа Татьяны, светской дамы: недаром поэт наделяет этот образ деталями, впервые найденными в «Альбоме».

В Малинниках 4 ноября 1828 г. была полностью завершена и вся беловая редакция седьмой главы: приведен в порядок ее текст, определена последовательность строф, «как об этом можно судить по сохраненному Пушкиным последнему листку перебеленной рукописи с двумя последними строфами седьмой главы»¹.

Седьмая глава вышла из печати в Петербурге в марте 1830 г. обычным тиражом в 1200 экземпляров. Книга встретила теплый прием у читателей. О «всеобщем успехе» ее в среде образованного читателя писала, например, Пушкину Е. М. Хитрово (см.: XIV, 89). Эти же настроения выразила и «Литературная газета», отметившая, что «чтение седьмой главы такое же производит над нами действие, как зрелище некогда милых нам мест, но уже оставленных теми особами, которые их одушевляли». Власть поэта над читателями «столь сильна», что он не только вводит их «в круг изображаемых им предметов», но и изгоняет из их души «холодное любопытство», «велит участвовать в действии самом, как будто бы оно касалось до нас собственно»².

Мнение некоторых исследователей, что к концу романа диалог автора с читателем «расстроился» и последний перестал понимать первого, нельзя признать основательным. Читатель продолжал любить героев романа, сочувствовать им, ждать продолжения рассказа об их судьбах. Сложнее обстояло дело с критикой. Хотя далеко не все критические отклики на роман были негативными, в оценке главы седьмой тон задавали именно они. Резко сменила свою ориентацию «Северная пчела», еще совсем недавно прославлявшая автора «Онегина». Седьмая глава вышла из печати в самый разгар полемики болгаринской клики с литературной аристократией, и ее автору пришлось принять на себя самые жестокие удары беспринципного

¹ Сандомирская В. Б. Указ. соч. С. 260.

² Литературная газета. 1830. Т. 1. № 17. С. 135.

издателя «Северной пчелы». Ф. Булгарин писал об этой главе: «Мы сперва подумали, что это мистификация, просто шутка, или пародия», «ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! совершенное падение». Критик не только срывался на прямую брань, но и высказывал тяжкие политические обвинения, упрекая автора в том, что, «устремившись на Кавказ» (намек на недозволенную правительством поездку в Арзрум), он не откликнулся на «великие события на Востоке», «стяжавшие России уважение всех просвещенных народов», а вместо этого выдал на публику своего «бледного и слабого» Онегина¹. Рецензия возмутила даже Николая I, предложившего Бенкендорфу принять самые строгие меры против Булгарина: «Я забыл Вам сказать, любезный друг, что в сегодняшнем номере Пчелы находится опять несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина; к этой статье наверное будет продолжение: поэтому предлагаю вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения и, если возможно, запретите его журнал»². «Журнал», т. е. газету «Северная пчела», разумеется, не запретили: заступником распоясавшегося Булгарина оказался сам Бенкендорф, и глумливому поношению пушкинского романа, в сущности, не было дано никакой отповеди.

Пушкин в «Опровержении на критики» прибегнул к памфлетной форме самозащиты. «Критику 7-й песни в Сев.⟨ерной⟩ Пчеле пробежал я в гостях и в такую минуту, как было мне не до Онегина, — иронизирует поэт. — Я заметил только очень хорошо написанные стихи и довольно смешную штуку *об жуке*. У меня сказано:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жуужал.

Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих. Кажется впрочем ни одного дельного замечания или мысли критической не было. Других критик я не читал, ибо — право — мне было не до них» (XI, 150). И все же поэт беспокоился, не помешает ли рецензия Булгарина продаже тиража седьмой главы, и обращался к Плетневу с вопросом, «имел ли влияние на расход Онегина отзыв Сев.⟨ерной⟩ Пчелы?» (XIV, 89). Между тем неудовольствие новой главой «Онегина» выразили и другие журналы. «Галатея» прямо заявляла, что глава «предвещает мало добра»

¹ Северная пчела. 1830. № 35. С. 1.

² Пушкин А. С. Письма // Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 399—400.

и что «творец Руслана и Людмилы обещал так много, а исполнил?». На этот вопрос рецензент дал резко отрицательный ответ: «Он еще в полном цвете лет; он мог подарить нас произведением зрелым, блистательным, и — подарил Седьмою главою Онегина, которая ни содержанием, ни языком не блистательна»¹.

В числе критиков, стремившихся дать объективную оценку роману и так и не сумевших понять его особую, сложную (реалистическую) природу, оказались Н. Полевой и Н. Надеждин. Первый из них поместил свою рецензию на седьмую главу почти сразу же по выходе ее из печати, в мартовской книжке «Московского телеграфа» за 1830 г. В ней критик попытался разобраться в причинах успеха первых глав романа, увидев в них «превосходный опыт поэтического изображения общественных причуд». Но уже шестая глава была расценена Н. Полевым как «самоповторение»: «...опыт все еще продолжается, краски и тени одинаковы, и картина все та же. Цена новости исчезла — и тот же *Онегин* нравится уже не так, как прежде. Надобно прибавить, что поэт и сам утомился». Критик, не понявший и не принявший самой формы свободного романа, не увидел в нем глубины и внутренней цельности воссоздания действительности. «Онегин» есть собрание отдельных, бессвязных заметок и мыслей о том, о сем, вставленных в одну раму, из которых автор не составит ничего, имеющего свое отдельное значение. «Онегин» будет поэтический Лабрюер, рудник для эпитафий, а не органическое существо, которого части взаимно необходимы одна для другой»², — писал он. По существу возражать подобному мнению было трудно: Полевому не удалось правильно прочесть и понять пушкинский роман.

Попытку подвести черту под спорами вокруг седьмой главы предпринял Надеждин. Он напечатал в московском журнале «Вестник Европы», известном консервативностью своих эстетических позиций, большую статью, придав ей форму драматической сценки. Три действующих лица этой живо написанной сценки обсуждают не только вышедшую из печати седьмую главу, но и вызванные ею споры в русской критике. Двое из них олицетворяют собою особенные точки зрения на пушкинский роман: восторженное обожание и резко выраженное несогласие с автором романа. Крайности этих позиций как бы примиряет третий персонаж, степенный и положительный Пахом Силыч. Из скрещения разных взглядов, разных точек зрения, по мысли автора этого критического этюда, рождается общий взгляд на пушкинский роман, но именно он — при всей его внешней объективности — грешит односто-

¹ Галатей. 1830. Ч. 13. № 14. С. 124—125.

² Московский телеграф. 1830. Ч. 32. № 6. С. 239—241.

ронностью и узостью эстетических критериев. Критик отказывает автору «Онегина» в способности мыслить («Поэзия Пушкина и прежде не роскошна была *мыслями* и *чувствованиями*! Разве не разбогател он недавно? Не дался ли ему философский камень?»). Главным же достоинством пушкинского романа он считает «картины, и картины прекрасные». Что же касается самих героев, то, по мысли Надеждина, они являются своеобразными «арабесками мира нравственного». И наконец, роман в целом расценивается как вставленное в общую раму (т. е. сюжетное повествование) собрание картин: «Это рама, в которую нашему поэту заблагорассудилось вставить свои фантастические наблюдения над жизнью, представляющиеся ему — не со степенного лица, а со смешной изнанки! Сама рама смастерена неудачно; но *картинки*, вставляемые в нее, большею частию — прелестны!»¹.

За редкими исключениями современная Пушкину критика не смогла понять и оценить его замечательного романа. Она не поднялась до понимания его художественной специфики, хотя в ходе возбужденной появлением отдельных глав романа в печати полемики критика вплотную подходила и к этой проблеме, но, в сущности, оказалась неспособной ее разрешить. И лишь Белинский, глубоко осознав новаторский характер романа, его реалистическую природу, оценив художественное мастерство автора романа в стихах, сумел раскрыть русскому читателю огромное духовное, идейное и эстетическое его богатство.

4

24 декабря 1829 г. Пушкин начал работу над последней главой «Онегина». В так называемой «арзрумской» рабочей тетради это начало отмечено датой. Вслед за датой — наброски первой строфы («В те дни, когда в садах Лицея...»). Потом работа над романом задержалась, но продолжала существовать в сознании поэта. В этой же тетради, уже в мае, находим несколько «бальных» строф, которые в окончательный текст романа не вошли. Основная работа над последней главой, как и отделка всего текста романа, велась уже в месяцы знаменитой болдинской осени 1830 г.

Исследователи неоднократно отмечали композиционную стройность и завершенность «Онегина». Эта четкость композиции наглядно представлена самим Пушкиным в том плане-оглавлении, который он записал 26 сентября 1830 г., на другой день после окончания романа. Вот этот план:

¹ Вестник Европы. 1830. № 7. С. 207, 212, 202, 223.

Онегин

Часть первая	Предисловие
I песнь	Хандра Кишенев, Одесса
II —	Поэт Одесса 1824
III —	Барышня Одесса. Мих. 1824
Часть вторая	
IV песнь	Деревня Михайлов. 1825
V —	[Про] Имянины Мих. 1825. 1826
VI —	Поединок Мих. 1826
Часть третья	
VII песнь	Москва Мих. П. Б. Малинин. 1827. 8
VIII —	Странствие Моск. Павл. 1829. Болд.
IX —	Большой свет Болд.
Примечания	
1823 год 9 мая	Кишенев — 1830 25 сент. Болдино 26 сент. А П
И жить торопится и чувствовать спешит	К. В.
7 ле<т> 4 ме<сяца> 17 д<ней> (VI, 532).	

Мы видим, что Пушкин подводит итоги сделанному, вычисляет, сколько лет, месяцев и даже дней заняла у него работа над романом, выбирает окончательный эпиграф и дает схему романа, как она представлялась ему в законченном виде.

Т. е. в сентябре 1830 г. в Болдине он считал свой многолетний труд законченным.

Однако в печати роман в таком композиционно стройном виде не появился. Очевидно, закончив роман, Пушкин понял, что так напечатать его не удастся. В 1832 г. «Последняя глава» романа была издана отдельно. Не имея возможности напечатать роман в девяти главах и вынужденный исключить «Странствие» Онегина (главу восьмую в плане-оглавлении), поэт осенью 1831 г. переработал последнюю главу и написал письмо Онегина к Татьяне. В таком виде глава восьмая (ранее девятая) вышла в свет. На обложке ее, как видим, значится: «Последняя глава «Евгения Онегина», а в конце текста еще раз повторено: «Конец осьмой и последней главы». Такое двойное утверждение связано, вероятно, со слухами, что «Онегин» был написан в большем объеме. В рецензии на эту главу Н. А. Полевой писал о судьбе Онегина: «Его еще не убили и сам он еще здравствовал, когда поэт задернул занавес на судьбу своего героя»¹. Возможно, Полевой что-то слы-

¹ Московский телеграф. 1832. Ч. 43. № 1. С. 118.

шал о первоначальном замысле Пушкина, а возможно, его реплика вызвана и непониманием творческой задачи Пушкина. От жанра романа, хотя бы и «романа в стихах», ждали традиционной концовки, когда повествование кончается либо благополучной женитьбой героя, либо его смертью.

«Странствие» было необходимой частью романа, глава была задумана, чтобы показать эволюцию героя. Исключение ее нарушало идеологическую и композиционную структуру романа и было насилием над его замыслом. Поэтому в предисловии поэт счел необходимым «чисто-сердечно признаться», что эту главу из романа он исключил. В первом, отдельном издании романа, вышедшем в 1833 г., Пушкин вновь стремится довести до сведения читателей, насколько возможно, свой первоначальный замысел. Публикуя здесь «Отрывки из Путешествия Онегина» (с изъятием всех мест, недопустимых в цензурном отношении), он перепечатывает предисловие к «Последней главе» с характерным добавлением.

Приведем его здесь полностью, чтобы можно было представить, в каком виде современники поэта знали текст романа и могли догадываться о его замысле: «П. А. Катенин (коему прекрасный поэтический талант не мешает быть и тонким критиком) заметил нам, что сие исключение, может быть и выгодное для читателей, вредит однако же плану целого сочинения; ибо чрез то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком неожиданным и необъясненным.— Замечание, обличающее опытного художника. Автор сам чувствовал справедливость оного, но решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не для публики. Некоторые отрывки были напечатаны; мы здесь их помещаем, присовокупив к ним еще несколько строф» (VI, 197).

Были напечатаны ранее так называемые «одесские» строфы (от стиха «Прекрасны вы, брега Тавриды» кончая стихом «Зарему я воображал» — в «Литературной газете», 1830, № 1, и от стиха «Я жил тогда в Одессе пыльной» до стиха «И так, я жил тогда в Одессе» — в «Московском вестнике», 1827, № 6). К этим строфам в издании 1833 г. были добавлены еще четыре, с краткими вступлениями: «Е. Онегин из Москвы едет в Нижний Новгород», «Онегин едет в Астрахань, и оттуда на Кавказ», «Онегин поещает потом Тавриду».

Строка, которой обрываются «Отрывки из путешествия Онегина» — «Итак я жил тогда в Одессе», напоминала догадливому читателю о ссылке поэта, его образе мыслей, политической обстановке на юге и в стране вообще и давала экспозицию для опущенного описания встречи автора и героя и их возможных бесед.

Но главным образом эти отрывки заполняли временной вакуум между двумя встречами героев. Они объясняли не только превращение Татьяны из «уездной барышни» в «знатную даму», но и эволюцию образа героя.

Что же представляет собой эта крамольная глава, и почему она так была нужна Пушкину, что он счел необходимым напечатать отрывки из нее и обозначить с помощью этих отрывков предполагавшуюся композицию романа и довести до читателей, хотя бы намеком, свой первоначальный замысел?

Из 34 известных строф «Странствия» Пушкин напечатал только 18. Катенин вспоминал, что в главу входила характеристика военных поселений, куда по дороге из Петербурга на Кавказ должен был заехать Онегин. Эти строфы до нас не дошли. Но дошли строфы, в которых описывается путь Онегина из Петербурга «июля 3 числа» через Новгород в Москву и Нижний Новгород. Эти строфы мы знаем по автографу, который находится в «арзрумской» рабочей тетради Пушкина. Отправляясь в 1829 г. в действующую армию на Кавказ, Пушкин взял с собой эту тетрадь, где во время поездки вел записи. На обратной дороге, в Москве и в имении П. Вульфа Павловское (они обозначены, как мы видели, в плане-оглавлении романа), он и написал 23 строфы «Странствия». Перебеливая рукопись в 1829 г., Пушкин включил сюда 10 «одесских» строф, созданных в 1825 г., до декабрьского восстания. В 1830 г. в Болдине он дописал еще одну строфу — (34) «И берег Сороти отлогий» (VI, 506). 34 строфы и составляли тот текст «Странствия», который Пушкин, вероятно, предполагал печатать.

Во время арзрумской поездки поэт рассказывал другу своего брата Л. С. Пушкина М. Юзефовичу, как он намеревался закончить роман. Онегин, по словам Юзефовича, «должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов»¹. «Или» значит, что судьба Онегина летом 1829 г. еще не была окончательно решена Пушкиным. Герой мог стать причастным к тайному обществу, но мог, лишь соприкоснувшись с декабристским движением, отойти от него и погибнуть на Кавказе, может быть от шальной пули горца, как мог погибнуть сам Пушкин, когда путешествовал по Кавказу (об этом он рассказывает в «Путешествии в Арзрум»).

Из воспоминаний Юзефовича видим, что Пушкин хотел провести своего героя через испытание декабризмом.

Декабристская тема разработана в известных шифрованных строфах «Евгения Онегина». В пушкиноведении уже довольно давно было высказано мнение, что эти стро-

¹ Юзефович М. В. Памяти Пушкина//А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 107.

фы (так называемая десятая глава) первоначально при надлежали не десятой (предполагавшейся), а реально писавшейся восьмой главе — главе «Странствие»¹

Существует забытое мемуарное свидетельство, которое, нам кажется, делает позицию Дьяконова абсолютно убедительной В одиннадцатом томе «посмертного» собрания сочинений Пушкина находим раздел, который называется «Остатки настоящих записок Пушкина» В этот раздел включен проект предисловия, с которым была издана последняя глава романа²

Почему это предисловие к последней главе было помещено редакторами «посмертного» издания в раздел «Записок» Пушкина — тема особая³ Напомним известные слова Пушкина из этого предисловия «Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России От него зависело означить сию выпущенную главу точками или цифром, но во избежание соблазна решил ся он лучше выставить, вместо девятого нумера, осьмой над последней главою Евгения Онегина »⁴

Вот к этому предисловию в одиннадцатом томе «посмертного» издания и дается следующее примечание «Видно, что это писалось по одному предположению После действительно VIII глава была уничтожена Пушкиным»⁵ Примечание имеет подпись «П П» (Петр Плетнев), т е оно носит мемуарный характер Плетнев подтверждает, что Пушкин уничтожил восьмую главу, т е «Странствие» Итак, можно считать, что на первом этапе работы над романом шифрованные строфы безусловно принадлежали «Странствию» Мы знаем, что в общем поэт писал главы «Онегина» по порядку (отступления от этого были, но редко) В этом смысле и «декабристские» строфы не являются исключением Если они относятся к «Странствию», то, вероятнее всего, ими открывалась глава

¹ Мнение это в 1963 г убедительно аргументировал И М Дьяконов, в 1982 г вышла новая работа Дьяконова, где он повторил свою точку зрения и привел дополнительные аргументы См Дьяконов И М О восьмой, девятой и десятой главах «Евгения Онегина» // Русская литература 1963 № 3 С 37—62, Дьяконов И М Об истории замысла «Евгения Онегина» // Пушкин Исследования и материалы Л, 1982 Т 10 С 70—105

² Сочинения Александра Пушкина М, 1841 Т 11 С 235

³ См Левкович Я Л Незавершенный замысел Пушкина // Русская литература 1981 № 1 С 125—126

⁴ Евгений Онегин Роман в стихах СПб, 1832 С 1

⁵ Сочинения Александра Пушкина Т 11 С 235

И. М. Дьяконов убежденно относит эти строфы к концу главы, связывая их с пребыванием Пушкина в Одессе. Одним из его аргументов является то, что «одесская» строфа «Я жил тогда в Одессе пыльной» «подхватывается» строфой «Итак я жил тогда в Одессе» и, как он пишет, естественным образом продолжается первой из «декабристских» строф «Властитель слабый и лукавый <...> // Над нами царствовал тогда». Слово «тогда» Дьяконов считает лейтмотивом, объединяющим «одесские» и «декабристские» строфы¹.

Посмотрим, годятся ли зашифрованные строфы композиционно для начала главы. Напомним, что аналогично — с экспозиции, уводящей в прошлое, — начинаются еще две главы романа: глава пятая, «деревенская», и глава восьмая (последняя). Пятая глава:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа,
Снег выпал только в январе. (VI, 97)

Восьмая глава:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал... (VI, 165)

В замедленной деревенской жизни особенно заметна смена времен года. Время года значимо в пятой главе еще и потому, что ее центральным событием являются святочные гадания.

Петербургскую жизнь (а именно домой, в Петербург, возвращается Онегин из деревни) определяет климат политический. «Тогда» «декабристских» строф — скорее всего, время, когда Онегин появляется в Петербурге, т. е. конец зимы 1821 г. Чем и как подкрепить это предположение? Вспомним, что заставило героя отправиться в путешествие.

В черновиках особенно настойчиво отрабатывается характеристика Онегина, вернувшегося в Петербург после дуэли. В строфе <4> («Предметом став суждений шумных») (ПД, № 841, л. 120) окончательному варианту («Быть чем-нибудь давно хотел») предшествовало: «Быть чем-то захотел», «Переродиться захотел», «Преобразиться захотел». Захотеть «переродиться» или «преобразиться» можно не вдруг, а имея перед собой определенные примеры, образцы. Причины, которые вынудили «космополита» Онегина однажды «проснуться патриотом», прямо не названы Пушкиным. Во всяком случае, в сохранившихся строфах намек на них нет. Однако в следующих строфах

¹ См.: Дьяконов И. М. О восьмой, девятой и десятой главах «Евгения Онегина». С. 51.

стимул к путешествию обнаруживается недвусмысленно. Пушкин влетает в строфы «Странствия» представления, образы, лексические формулы, характерные для декабристской среды,— об этом неоднократно упоминалось в литературе.

Онегин первой главы — светский молодой человек, которого не задела веяния преддекабристской поры, хотя годы его юности совпали с годами Отечественной войны, когда формировалось мировоззрение будущих декабристов. Второй раз Онегин уезжает из Петербурга уже с определенным запасом вольнолюбивых представлений. Его патриотизм окрашен авторской иронией («Проснулся раз он Патриотом»), но в какое-то время самому герою он кажется вполне серьезным — во всяком случае, побуждает его сесть в коляску и отправиться в странствие, т. е. совершить поступок, обусловленный убеждениями.

Явно декабристская фразеология строфы о Новгороде в рукописи «Странствия», как и посещение героем военных поселений (в не дошедшем до нас отрывке «Путешествия»), как и его интерес к песням о Стеньке Разине на Волге, показывает, что Онегин в Петербурге был напичкан новыми идеями, т. е., по-видимому, общался с людьми, близкими к декабристским кругам, или с самими декабристами.

Во всех главах романа герой показан в общении — с автором, с Ленским, с Татьяной, с мужем Татьяны. Именно в общении выявляются психологический, интеллектуальный и социальный аспекты его личности. И приехавшую в Москву Татьяну Пушкин сводит с Вяземским и этим подготавливает облик «петербургской», светской Татьяны.

В строфах «Путешествия Онегина», которые были напечатаны Пушкиным, рядом с Онегиным нет никого. Но в опущенных строфах мы опять видим героя в общении: в Одессе происходит его встреча с автором. В Петербурге же Онегин ни с кем не встречается, и о его жизни в столице мы узнаем только, что именно там он вдруг сделался «патриотом». Чтобы приобщить героя к декабристскому движению (независимо от результатов этого сближения), следовало ввести его в круг реальных (скорее всего, уже названных в романе) лиц. Невольно напрашивается предположение, что петербургские встречи были либо предполагались Пушкиным.

В одном из вариантов последней из «декабристских» строф находим строку «Везде беседы недовольных» (VI, 526), т. е. от обзора исторических событий, которые привели к организации тайных обществ, Пушкин явно собирался перейти к настроениям в обществе, т. е. к характеристике той атмосферы, той среды, в которую попадает Онегин в Петербурге.

Для того чтобы герой вдруг захотел «переродиться», ему нужен был не только повод, но и время. Это заставляет нас обратиться к так называемому «календарю» «Евгения Онегина». Напомню известные слова Пушкина из примечания к роману «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю» (VI, 193). У нас нет оснований не верить этому заявлению. Делалось оно для современников, которые отлично помнили, в каком году «снег выпал только в январе» и когда поэт «в садах Лицея» «безмятежно расцветал», когда был выслан из Петербурга, когда жил в Одессе (а эти даты являются опорными в календаре).

«Календарем» «Онегина» занимались Р. В. Иванов-Разумник, С. М. Бонди, И. М. Дьяконов, Ю. М. Лотман, В. Набоков¹ — я упоминаю только тех исследователей, которые, доверяя словам Пушкина, пытались составить или обосновать «календарь» романа. Этот «календарь» выдерживает хронологическую проверку. Сомнения вызывает только путешествие Онегина. Согласно установленному «календарю» Онегин путешествует три года (с июля 1821 до осени 1824 г.). Естественно возникает вопрос: где и как провел герой эти три года?

Из текста следует, что в Москве он не задерживается. Выехав из Петербурга «июля 3 числа», он успевает в том же году побывать на Макарьевской ярмарке, которая закрывалась в августе — начале сентября. Потом на посещение военных поселений, поездку на Кавказ, по Кавказу и в Крым у него уходит два года (в Крыму он появляется в сентябре 1823 г.). Затем он переезжает в Одессу, где встречается с Пушкиным. Героя гонит в дороге тоска, и он едет быстро («кони мчатся» — характерный мотив «Странствия»). Поэтому три года, которые герой проводит в пути от Москвы до Крыма и потом до Петербурга, смущают исследователей и, естественно, вызывают различные версии в истолковании. Высказывалось предположение, что кроме России герой успел побывать и в Европе. В. Набоков полагает, что путешествие по Европе должно было предшествовать путешествию по России, Ю. М. Лотман считает, что оно могло состояться после

¹ См. Иванов-Разумник Р. В. Евгений Онегин // Пушкин Сочинения / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1909. Т. 3. С. 208—209; Бонди С. М. Календарь «Евгения Онегина» // Пушкин А. С. Евгений Онегин, М., 1967. С. 294—296; Дьяконов И. М. Об истории замысла «Евгения Онегина» С. 89; Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» С. 18—23, 375; Eugene O'Neill A novel in verse by A. Pushkin / Translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov. New York 1964. V. 3. P. 258—259.

свидания с Пушкиным в Одессе (по его версии, Онегин мог приехать в Петербург из Европы морем, и именно это дает возможность Пушкину сказать, что он «возвратился и попал, // как Чацкий, с корабля на бал») ¹.

Предположение о путешествии в Европу опровергается самим Пушкиным, когда он пишет, что «выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России». Опять-таки у нас нет оснований ему не доверять.

Но, может быть, тот год, который исследователи не могут совместить с пребыванием Онегина в России, «лишний» год в «календаре» романа, Онегин провел в Петербурге? Ведь Пушкин отправляет его из Петербурга «июля 3 числа», не называя года. И вот здесь присмотримся к одной поправке в черновой рукописи. Отправляя героя в путешествие, Пушкин пишет: «Дожив без цели и трудов // До 26 годов...» (строфа <4>, ПД, № 841, л. 120). Сперва было «до 25 годов», потом Пушкин исправляет 5 на 6, т. е. делает героя на год старше. «До 25 годов» и «до 26 годов» одинаково укладываются в размер стиха. Почему же появилась эта правка? Не потому ли, что Онегин приехал в Петербург 25-летним, а уезжает 26-летним?

С. М. Бонди заметил, что 26 лет укладываются в четко очерченный «календарь». Он пишет: «Очевидно, Пушкин имеет в виду не то, что Онегину уже исполнилось, а что ему скоро должно исполниться 26 лет. Значит, сейчас (в 1821 году) ему 25 лет, т. е. действительно он родился в 1796 году» ².

Можно предположить, что Пушкин, задумав приобщить героя к декабризму, решил задержать его в Петербурге — отсюда и появилась поправка возраста героя. Слова Бонди: «Очевидно, Пушкин имеет в виду не то, что Онегину уже исполнилось, а что ему скоро должно исполниться 26 лет» — очевидная натяжка. Предложенная версия снимает необходимость этой оговорки, как и все других попыток заполнить «лишний», не укладывающийся в «календарь» «Онегина» год, т. е. снимает хронологические неувязки в «Странствии» Онегина.

Конечно, выдвигая предположение, что «декабристские» строфы открывали главу и что приобщение Онегина к декабризму задержало его в Петербурге дольше чем на год, мы вступаем в область загадок, которые задал нам Пушкин. Но кажется, что именно таким образом можно объяснить, почему Пушкин, публикуя отрывки из «Странствия», вообще убрал Петербург как исходную точку путешествия и петербуржец Онегин отправляется в путешествие из Москвы. Те «петербургские» строфы, которые

¹ См.: Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 375.

² Бонди С. М. Указ. соч. С. 295.

Пушкин первоначально предполагал печатать, не содержали, казалось бы, ничего запретного. Но Пушкин отбросил их, как отбросил все эпизоды «Странствия», которые связывали его с «декабристскими» строфами (Новгород, древняя Москва, песни о Стеньке Разине и т. д.). «Петербургские» строфы без предшествующих, «декабристских», давали неверную, искаженную мотивировку «Путешествия». Отказавшись от «петербургских» строф, Пушкин, таким образом, убрал и объяснение причин, которые послужили стимулом к путешествию героя. Отброшена была мотивировка путешествия, а без мотивировки не нужна была и вся глава.

Приготовив перебеленную рукопись (весь текст «Странствия» без «декабристских» строф) для печати, Пушкин не стал его публиковать. Оставлены были только «Отрывки из путешествия» как указание на замысел, от которого поэт был вынужден отказаться. На вынужденность отказа Пушкин и заявил в предисловии, которым открывалась последняя глава романа.

Мы видели, что, уже записав «декабристские» строфы, т. е. решив провести героя через испытание декабризмом, Пушкин еще колебался в выборе результата этого испытания. Его колебания отмечены в воспоминаниях М. В. Юзефовича. Следы этих колебаний мы находим и в черновых строфах «Странствия». Первые 11 строф «Странствия» пишутся в Москве на л. 121—116 «арзрумской» тетради. Запись сделана размашистым почерком, кончик пера широкий, чернила рыжие. Для нас особое значение имеет строфа <8>, посвященная московским впечатлениям героя. В первой редакции (т. е. так, как она была написана в Москве) эта строфа выглядела так:

Москва Онегина встречает
Своей восточной суетой,
Старинной кухней угощает,
Стерляжей подчует ухой.
[Народных заседаний проба]
В палате Англий<ского> клоба
О каше пренья слышит он —
Глубоко в думу(?) погруж(он)
Он видит башню Годунова,
Дворцы и площади Кремля —
И храм где царск<ая> семья
Почила близ мощей святого
Он ходит меж ноч<ных> огн<ей>
В садах Моск<овских> богачей
(л. 119 и 118 об.; VI, 478).

В имени П. И. Вульфа Павловское пишутся строфы <12>—<18>, занимающие л. 117 об.—116 об., 113—112

тетради. Принимаясь вновь за «Онегина», Пушкин пользуется черными чернилами и тонким пером. Такими же чернилами и пером намечено несколько поправок к строфе <8> (на л. 119 и 118 об. тетради), т. е. прежде чем приступить к работе в Павловском, Пушкин просматривает то, что было написано им в Москве. Какие же поправки он собирался сделать?

На полях л. 119 черными, «павловскими», чернилами рядом с началом строфы <8> записаны две строчки: «Вокруг него гремят стаканы//Мелькают карты», а на л. 118 в конце этой же строфы приписано: «Гулянья ряды Кузнецкий мост Тв<ерской> бульвар».

Затем, закончив в черновом варианте строфы <12> и <13> — описание Бешту и Кавказских Минеральных Вод (л. 117 об.—117 тетради), Пушкин на следующем, 116 л. вновь возвращается к московской жизни героя и пишет новый вариант стихов 9—14 строфы <8>:

Замечен он — об нем толкует
Велеречивая Молва
Им занимается Москва
Его шпионом именует
Спле<тает> про него стихи
И производит в женихи ¹.

В первой редакции строфы <8> Онегин продолжает следовать декабристской «программе»: его внимание, как и в Новгороде, привлекают памятники народной старины.

¹ Текстологическому анализу восьмой («московской») строфы «Странствия» посвящена статья Н. Клеймана «О каше пренья» (См.: Болдинские чтения. Горький, 1982. С. 91—104). Автор оставляет в стороне вопрос, «почему после сочинения еще пяти строф Пушкин мысленно вернулся к московскому этапу «Странствия» и принципиально иной вариант строк 9—14 появился между панорамой «общества на водах» и тоскливым «внутренним монологом» «Онегина» (с. 98). Крайней натяжкой представляется нам стремление Н. Клеймана видеть в стихе «Его шпионом именует» намек на роман Фенимора Купера «Шпион» (переведен на русский язык в 1825 г.). Автобиографический намек в этой строке раскрывают воспоминания С. П. Шевырева, который пишет: «Москва неблагоприятно поступила с ним: после неумеренных похвал и лестных приемов охладели к нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвинения в ласкательстве, в наушничестве и шпионстве перед государем. Это и было причиной того, что <он> оставил Москву» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 39—40).

В дописанных строчках мы видим новый поворот темы: попав в древнюю столицу, Онегин возвращается к рассеянному образу жизни.

В новых вариантах строфы поэт снимает патриотический ореол, который сопутствовал герою в начальных строфах «Странствия».

Нам представляется, что изменения, которые Пушкин вносил в процессе работы над «Странствием», свидетельствуют, что уже осенью 1829 г., в Павловском, он сделал выбор. Судьба героя определилась, петербургские свободлюбивые настроения так же промелькнули в сознании Онегина, как мелькали перед его глазами исторические ландшафты и памятники русской славы. В какой-то степени связь Онегина с развернувшимися на его глазах историческими событиями сближалась с пушкинской: он тоже «мог бы...», но судьба распорядилась иначе. Не случайно в новые эпизоды жизни Онегина в Москве вплетаются биографические мотивы — это вокруг Пушкина гремели стаканы, мелькали карты, его производили в женихи и именовали шпионом. Пометы на полях л. 119 и 118 «арзрумской» тетради не были реализованы Пушкиным, но новый вариант заключительных строк строфы <8> вошел в «сводную» рукопись «Странствия». Самый факт перебелки «Странствия» без шифрованных строф свидетельствует, что от приобщения Онегина к тайному обществу Пушкин отказался. Не стал он реализовывать и второй вариант судьбы Онегина — гибель на Кавказе. О том, что такой план был, свидетельствуют наброски послания Плетневу и друзьям об окончании романа¹. Не только Юзефович, но и Плетнев знал о намерении Пушкина «уморить» Онегина. С этим вторым планом скорее всего и было связано намеченное на полях л. 119, 118 снижение его общественной активности.

Позиция художника-новатора ставила Пушкина в столкновение с действительностью, с распространенными эстетическими представлениями и литературными вкусами, а положение писателя-профессионала — в материальную зависимость от публики. Poleмика вокруг «Онегина» заставила поэта более глубоко осознать тот новаторский шаг, каким являлся его роман, и предпринять попытки воздействия на литературное восприятие современников. Такие попытки предпринимались им еще до открытой полемики в печати, на всем протяжении творческой и издательской истории романа. Уже в упоминавшемся предисловии к первой главе он пытается парировать выпады

¹ См.: Левкович Я. Л. Наброски послания о продолжении «Евгения Онегина» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 255—277.

«дальновидных критиков» в отношении «недостатка плана» и «антипоэтического характера главного лица» (VI, 638). Попытки объяснить свой роман, определить его поэтическую систему неоднократно и в непосредственных литературных спорах, например с Н. Раевским, который, как пишет поэт брату, «бранит» роман, потому что ожидал «романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не расчухал» (XIII, 87), и в переписке с А. Бестужевым и К. Рылевым (см.: XIII, 134, 148, 150, 155), которые также подходили к оценке романа с романтическими критериями. Такое же стремление сформулировать свое эстетическое сredo содержится и в самом тексте романа. Аппелляция к читателю, расчет на его активное соучастие составляет одну из особенностей структуры романа. Поэт вводит в лирические отступления историко-литературную проблематику. Многие высказывания в «Онегине» являются развернутыми литературными декларациями, выраженными в характерной для лирических отступлений иронической или шуточной форме. Рассыпанные по строфам замечания о разных типах романов имели прямое отношение к типу самого «Евгения Онегина».

Поэт подводил читателя к мысли о жанровом новаторстве романа, указывал на отличие его от традиции и на оригинальность его сюжетного решения. В седьмой главе Пушкин дал формулу современного романа, которую справедливо называют «узлом в пушкинской теории романа»¹. Это:

⟨...⟩ два-три романа,
В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно,
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

Здесь сформулирован критический принцип авторского подхода к основным героям романа и дано понимание современного человека. Задача романиста установить то брожение мысли и ту жизнь чувств современного человека, в которых воплощены наиболее характерные черты времени. Психологическое раскрытие образа диктовало развитие сюжета. Этим принципом руководствовался и сам Пушкин в «Евгении Онегине». Роман мог быть обор-

¹ См.: Черин А. Путь Пушкина к прозаическому роману // История русского романа. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 160—161.

ван на любой точке сюжетного развития, как только раскрытие образа было исчерпано¹. Это понял Белинский, подчеркнувший намеренность такого обрыва, связавший «конец без конца» романа с типическими чертами характера его героя. «Что же это такое? Где же роман? Какая его мысль? И что за роман без конца? — спрашивал критик и тут же отвечал: — Мы думаем, что есть романы, которых мысли в том и заключаются, что в них нет конца, потому что в самой действительности бывают события без развязки, существование без цели, существа неопределенные, никому не понятные, даже самим себе». И дальше: «Что случилось с Онегиным потом? <...> Не знаем, да и на что нам знать это, когда мы знаем, что силы этой богатой природы остались без приложения, жизнь без смысла, а роман без конца? Довольно и этого знать, чтобы не захотелось больше ничего знать»². Однако то, что было понято и критически обосновано Белинским, вызывало недоумение современной критики, подходившей к роману с традиционными мерками. Полунамеков, иронических сопоставлений, поэтических деклараций, которые входили в идущий от автора лирический поток романа, было недостаточно для взаимопонимания между поэтом и читателем. Грустные ноты прощальной (XLIX) строфы романа передают читателю надежды поэта на взаимопонимание и одновременно подводят итог читательских впечатлений, тех толков в публике и критике, которые были ведомы создателю «Онегина». Целостное творение, «свободный роман», «живой и постоянный, хоть малый труд», распадается в читательском восприятии на «живые картины», «острые слова», материал для «журнальных сшибок» и «грамматические ошибки». Уже здесь упомянут почти полный перечень журнальных замечаний: и определение композиции романа как ряда «живых картин», и сомнительные комплименты Надеждина, видевшего в романе «рудник для эпитафий», и «грамматические» придирки рецензента «Атенея»³. Но и лирические строки этой строфы романа, содержащие полемику и окрашенные грустной иронией поэта, обреченного на непонимание, были истолкованы превратно. Надеждин увидел в них «благородное самоотвержение» поэта, который «осознал наконец тщету и ничтожность поэтического суесловия»⁴ своего романа.

¹ См.: Лотман Ю. М. К эволюции построения характеров в романе «Евгений Онегин»//Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 171.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч., М.; Л., 1955, Т. 7. С. 469.

³ См.: Атений. 1828. Ч. 1. № 1. С. 76—89.

⁴ Телескоп. 1832. Ч. 9. № 9. С. 109.

Окончив роман, поэт не расстался с мыслью объяснить его читателям и критикам. В 1830 г., в год окончания «Онегина», в Болдине возникает замысел статьи, которая осталась недоработанной и условно называется «Опровержение на критики». Статья состоит из отдельных заметок — ответов на критики и содержит не только возращения поэта оппонентам, но и острый и точный автокомментарий его к своим произведениям.

Не дописав и не напечатав своих полемических заметок (очевидно, в связи с прекращением издания «Литературной газеты», где они могли быть помещены), поэт стремится довести до читателя свои «опровержения». Ответ Б. Федорову и критику «Атеней» он помещает в примечаниях к отдельному изданию «Онегина», а на упреки в «корыстолюбии» отвечает в стихотворном послании к «другам» («В мои осенние досуги»), которое также осталось незаконченным. Послание построено как диалог с оппонентами. В последнем наброске мотив цены подается как ответ «другов» на сомнения самого поэта, не слишком ли дороги книжки романа («Бери умеренную плату, // За книжку до пяти рублей — // Налог не тягостный, ей <ей>»). Здесь же поэт дает ироническую интерпретацию критических отзывов о сюжете и композиции романа.

Последнюю, восьмую, главу романа печатал, как и все предыдущие (кроме второй), Плетнев, и очевидно уже привычным тиражом в 1200 экземпляров. Пушкин был в Петербурге — поэтому никаких подробностей о процессе печатания и купли-продажи мы не знаем. В 1833 г., как указывалось выше, отдельное издание романа выпустил Смирдин. Последнее прижизненное издание «Евгения Онегина» появилось в самом начале 1837 г.¹ Издателем его был И. Глазунов. В кратком обзоре деятельности Глазунова об этом изящном миниатюрном издании сказано: «Издание «Онегина» напечатано было самым мелким шрифтом, в красивой оберточке; похоже было скорее на миниатюрный кипсек, чем на солидное издание, и составляло новость в тогдашних русских изданиях, хотя из-за мелкого шрифта для чтения было не совсем удобно. Оно исполнено было так тщательно, как не издавались ни прежде, ни после сочинения Пушкина. Корректурных ошибок не осталось ни одной; последнюю корректуру самым тщательным образом просматривал сам Пушкин»².

¹ Часть тиража появилась в конце 1836 г. (См. об этом: Смирнов-Сокольский Н. К. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. С. 388—394).

² Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых на сто лет. 1782—1882. Спб., 1903. (Цит. по указ. книге Ник. Смирнова-Сокольского. С. 390).

После смерти поэта это издание было раскуплено за одну неделю — так публика отдавала свой долг погибшему поэту. А. И. Тургенев в письме к А. Н. Нефедьевой 1 февраля 1837 г. сообщал: «Смирдин сказывал, что он продал после дуэли Пушкина на 40 тысяч его сочинений, особенно «Онегина»¹. Мы видим, что среди всех сочинений поэта, которые лежали в это время в книжных лавках, особым успехом пользовался его роман в стихах.

*Р. В. Иезуитова,
Я. Л. Левкович*

¹ Пушкин и его современники. СПб., 1908. Т. 2. Вып. 6. С. 67.

А.С. ПУШКИН

ЕВГЕНИЙ
ОНЕГИН

ГОРЬКИЙ
Волго-Вятское
книжное издательство
1989